SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Г. Б. Слиозберг
  -
  - Введение
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Источники
- notes
  - 1
  - 2

Г. Б. Слиозберг
Джон Говард
Его жизнь и общественно-филантропическая деятельность
Биографический очерк
С портретом Говарда, гравированным в Лейпциге Геданом

Введение

В январе 1890 года исполнилось сто лет со дня смерти Джона Говарда. Имя этого человека получило громкую известность не только на родине его, в Англии, но и далеко за ее пределами, подобно тому как круг деятельности его не ограничивался одним отечеством, а обнимал многие государства или, вернее, охватывал собою все человечество. Про книгу знаменитого современника Говарда, маркиза Цезаря Беккариа, работавшего во имя той же конечной цели, что и Говард, говорили, что она была более "добрым делом", чем хорошею книгой; но еще совсем недавно один немецкий исследователь гуманитарного движения во Франции второй половины XVIII века нашел возможным назвать эту книгу не просто "добрым делом", но "всемирно-историческим подвигом". Так отзываются о книге, в которой автор, воодушевленный благородными стремлениями, старался, на основании философских принципов и логических доводов, убедить современное ему человечество в необходимости усвоить себе гуманные начала правосудия. Подвиг состоял в проповеди. У Говарда таким всечеловеческим подвигом была его жизнь, вся его деятельность, каждый момент которой был своего рода героическим актом. И прославился он не словом, а делом. То, что другие сподвижники культуры и гуманности проводили в жизнь словом, Говард проводил делом. Его литературная деятельность, сравнительно с тем, чему он посвятил свою жизнь, является весьма незначительною, и не она обессмертила его имя. Его книги о современном ему положении тюрем и госпиталей в Англии и других государствах представляют собой только краткие отчеты о его деятельности, и они, конечно, не могли бы иметь того значения, которое им выпало на долю, если бы на каждой странице этих книг не возникал привлекательный образ самого их автора, стучащегося в двери тюрем, стоящего у одра смерти, бесстрашно борющегося с болезнями из любви к ближнему. Мы впоследствии вернемся к книгам Говарда, но заметим сразу, что основная черта характера Говарда, удивительно последовательно проявляющаяся во всей его жизни и деятельности, проявилась и в произведениях его. Бесстрастным, деловым до сухости слогом он воспроизводит виденное и исследованное им в местах заключения – этих вместилищах отчаяния. Все виденное им, его горячее стремление улучшить положение вещей – ужасы человеческой жестокости, с одной стороны, и непроглядный мрак отчаяния, с другой, – не вызывали в нем вдохновенных слов, страстного изложения, горячей

проповеди беспощадного бичевания: он не забывает снять план осматриваемой тюрьмы, в подробностях осведомиться о числе заключенных, об их пище, об издержках содержания и т. д. Фанатик идеи улучшения тюрем, Говард спокойно и во всех подробностях изучает положение их в Европе, всюду лично удостоверяется в читанном и слышанном им и на основании личного опыта медленно и осторожно вырабатывает план осуществления заветной мечты. Во всей его деятельности нет откровения, нет наития философской мысли, филантропической идеи, заранее сформулированной и превратившейся в стимул деятельности. Оттого деятельность его не представляет собою ничего лихорадочного, ничего торопливого или страстного. Самоотвержение – это его ремесло, его занятие, подобно тому, как его отец занимался коммерческой деятельностью. Его взгляд не отуманивается, предвзятою идеей, а постепенно и медленно вырабатывается. Величайшая победа, одержанная Говардом над самим собою, состояла в том, что у него не сердце владело разумом, а, наоборот, разум руководил сердцем. В такой полноте и в такой гармонии победа эта не одерживалась почти никем.

Вторая половина XVIII века, к которой относится вся деятельность Говарда, ознаменовалась гуманитарным движением. В большей степени движение это проявилось в области уголовного правосудия тогдашнего времени, которое едва ли можно охарактеризовать лучше, чем назвав его “узаконенным беззаконием”. Идеи естественного права, вера в то, что человеку врожденны известные права, которые ни одним законом не могут и не должны быть нарушены, и основанная на этой вере система как государственного, так и уголовного права не оправдались даже в смысле теоретическом. Выдвинутое начало “естественных прав” имело целью логически привести к ограждению личности от средневекового произвола, царившего в государственной и правовой сфере. На самом же деле оказалось, что идея естественного права приводила логически к совершенно противоположному результату. Такие последовательные и достаточно смелые умы, как Гоббс, исходя из понятия о естественном праве, приходили к выводу, по которому права личности не только не укреплялись, но, наоборот, всецело поглощались “Левиафаном” – государством. От такой философской системы нельзя было ожидать реформы уголовного правосудия. Реформационным движением стали руководить идеи более реальные, более осязаемые – идеи справедливости, гуманности и, наконец, к самому концу XVIII века – идеи утилитарные, выдвинутые Иеремией Бентамом. Потребность реформы чувствовалась всеми, и нет ни одного деятеля так

называемого гуманитарного движения во Франции, которого бы не занимали вопросы уголовного права. Пропаганда, проводимая таким борцом, как Вольтер, пустила глубокие корни в общественном сознании дореволюционной Франции, и мы видим, что одним из первых шагов революционного законодательства было издание нового уголовного кодекса 1791 года.

Движение вскоре охватило и другие государства Европы; всюду реформа юстиции – главным образом уголовной – сделалась предметом забот законодателей. При этом можно указать на интересную черту, характеризующую это движение в Англии, сравнительно с континентом. В то время когда на материке Европы все усилия направлялись к тому, чтобы смягчить карательную систему, и в особенности ослабить свирепствовавшую всюду в широких размерах смертную казнь, и вместе с тем оградить правильность отправления правосудия соответствующими формами ведения уголовных дел, – в Англии движение начинается, напротив, с усовершенствования самих наказаний, особенно тюремного заключения. Так, на континенте стремятся прежде всего к тому, чтобы закон не определял несправедливых, не соответствующих вине преступника, наказаний; заботятся о том, чтобы устранить возможность осуждения невинного, отменить пытку, которой подвергался заподозренный в совершении преступления человек еще до его осуждения и лишь ради будущего признания его преступником; но о преступнике, заключенном в каземате, лишенном света и свободы, уже не заботятся, он оказывается забытым всеми. В Англии же на первом плане стоит именно осужденный преступник, здесь стараются улучшить его положение, установить к нему более человечное отношение со стороны исполнителей закона, чем то, которое выпадало на его долю раньше. Эта противоположность имеет, конечно, свои причины; главная из них – та, что в Англии действовал идеальный, сравнительно с континентом, суд: суд присяжных; что Habeas corpus act[1] 1215 года был хартией, ограждающей личную неприкосновенность гораздо более действенно, чем даже прекрасная “Декларация прав человека и гражданина” времен французской революции. Но факт именно таков. Это, между прочим, объясняет и средства, которыми действовали люди, стоявшие во главе движения.

Для реформы уголовного законодательства и уголовного процесса, к которой стремились на материке, необходимо было выработать общие теоретические начала и только потом испытать их жизнеспособность на практике. Такая работа требует слишком много времени и непосильна для одного человека.

Но задача, которую пришлось разрешить Англии и которую

выполнил Говард, была гораздо проще: нужно было обратить внимание на тюрьмы, изучить их состояние и устранить то, что никак не согласуется с человеколюбием.

Не было надобности в особенно глубокомысленных теоретических соображениях, чтобы видеть всю настоятельность коренной реформы тюремного дела. Но для этого мало было обратить внимание на состояние тюрем; требовался человек, который весь отдался бы идее реформы и подробно ознакомил общественное мнение с тем, что делается в местах заключения, неотступно будя его внимание, и личным примером содействовал бы укоренению гуманных взглядов на отверженных членов общества.

Общественное внимание конца XVIII века в Европе было поглощено совершавшимися в то время мировыми событиями, его нелегко было обратить на заброшенный и всеми забытый мир преступников, томящихся в тюрьмах; только гигантской энергии Говарда могло хватить на то, чтобы заставить не только правительства Англии и других государств, но и само общество интересоваться вопросом тюремной реформы, сделать его вопросом неотложным и немедленно приступить к его разрешению. Говард достиг этого не широкими обобщениями, не блеском философской мысли, а лишь тем, что поведал современному ему миру тайны тюремного быта. Не было более или менее важной тюрьмы в Европе, которую Говард не осмотрел бы; понадобилось много лет неутомимого труда, долгих путешествий, чтобы основательно изучить положение тюрем. Но еще более необходимо было для выполнения этой несложной, но колоссально трудной задачи бескорыстное служение высокой идее человеколюбия, полное самоотречения ради доброго дела, – словом, нужен был Говард – этот великий филантроп и бесстрашный герой благотворения.

Глава I

Время и место рождения Говарда. – Происхождение. – Раннее детство. – Первая школа и характер воспитания. – Школа Имза. – Недостаточность образования Говарда. – Его коммерческая деятельность. – Смерть отца Говарда. – Говард на распутье. – Результаты воспитания

Место и время рождения Джона Говарда в точности неизвестны. На статуе, поставленной в честь великого филантропа в соборе Св. Павла в Лондоне, имеется надпись: “Родился в Гакнее, в графстве Миддлсекс, 2 сентября 1726 года”. Точность этой надписи вызывает, однако, большие сомнения. Годом рождения Говарда некоторые считали 1724-й, другие – 1725-й, и наконец, даже 1726 год. Позднейшие биографы, между прочими и Диксон, не решаются дать точного указания на этот счет и полагают, что Говард родился или в 1725-м, или в 1726 году. Такая же неопределенность существует и относительно места рождения великого филантропа. Этим местом считали Гакней (ныне одно из восточных предместий Лондона), другие же полагали, со слов друга Говарда доктора Айкина, что Говард родился в Энфильде; особенно близкий его друг, пастор Пельмер, указывал на Клэптон; наконец, распространенным является мнение о том, что родиной Говарда было поместье Кардингтон, сделавшееся впоследствии его любимым местом пребывания. Вероятнее всего, однако, что Говард родился в поместье отца, Клэптоне, принадлежащем к приходу Гакней.

Немало попыток сделано было со стороны некоторых биографов Говарда, чтобы придать его роду знатность. Поводом к этому могло послужить то, что имя Говард часто встречается в аристократических семьях Норфолков, Суффолков, Карлейлей и других. Но попытки эти не привели ни к каким результатам, и Джон Говард, “герой благотворительности”, должен быть признан одним из тех, которые имеют право сказать: “Я сам себе предок”. Отец его был почтенным купцом в Лондоне и вел оптовую торговлю коврами и обойным товаром. Он успел составить себе приличное состояние и ко времени рождения сына (кроме Джона, у него была еще одна только дочь) удалился из Лондона, прекратив свою торговлю. О матери Говарда сохранилось мало сведений; на воспитание своего сына эта женщина не могла иметь никакого влияния уже потому, что она умерла вскоре после рождения Джона, оставив ему в наследство лишь незавидное физическое здоровье. Отец отдал ребенка кормилице, фермерше в Кардингтоне, и только благоприятные климатические и

гигиенические условия сельской жизни дали возможность хрупкому и слабому созданию преодолеть болезни и опасности детства.

О первых годах жизни Говарда известно мало. Лишенный материнского попечения и той теплоты, с которою только материнская любовь согревает детскую душу, располагая ее к общительности, маленький Джон представлял собою существо малообщительное, “сосредоточенное”: слабая физическая организация больше располагала его к задумчивости, к покою, чем к детской резвости.

Нет никаких указаний на отношение к нему отца, и едва ли будет ошибочным предположить, что при всей любви к своему ребенку в отношениях отца было мало нежного, мало заменяющего материнский уход. Аккуратный и деловой как купец, он и к воспитанию своего сына, несомненно, относился с тою же строгостью и сухостью, которая присуща была всем людям его круга и его религиозных воззрений – кальвинистам-диссидентам. Вот почему раннее детство Джона ничем не предвещало замечательного будущего. К склонностям и способностям ребенка не умели прислушиваться, его воспитание, а впоследствии и обучение, было подчинено заранее составленному плану и направлено к определенной цели – сделать из мальчика дельного, честного купца, к чему он по природе своей был так мало склонен. Первоначальное направление, данное воспитанию Джона Говарда, имело большое влияние на его будущую деятельность, всецело поглотившую вторую половину его жизни. С другой стороны, это направление было причиной того, что образование Говарда оказалось недостаточным, и ему приходилось впоследствии во многом его дополнять.

Прежде чем приступить к осуществлению заветных своих стремлений, Говард, бывший по природе и воспитанию весьма строгим к самому себе, не мог не чувствовать пробелов в своем образовании, которые восполнены были лишь впоследствии и с немалым трудом.

О первых годах жизни Говарда лучший его биограф Диксон говорит: “...никто не замечал печати гения на спокойном, болезненном лице маленького Джона; никто по нему не мог бы предсказать великой будущности ребенка, – хотя всякий, знающий этого мальчика, любил его, но эта любовь больше походила на жалость; никто ему не удивлялся, никто его не замечал. Он не останавливал на себе внимания, – если же проблески душевной простоты, скромности и доброты и обращали иногда на себя взоры окружающих, то только случайно

и на мгновение. Нравственные, душевные особенности детей редко становятся предметом наблюдения, редко возбуждают удивление в той же мере, в какой замечаются умственные способности ребенка. Прав ли свет, делая такое различие? Широкая нравственная мощь натуры более важна для счастия и благоденствия человечества, чем великий ум; но, к несчастью, одна только сторона человеческой души господствует в мире: диктует законы, председательствует в судбищах и все завоевывает для себя. Спокойный, терпеливый ребенок, прощающий обиды, не привлекает к себе внимания окружающих, не вознаграждается их похвалой, и лишь ребенок бойкий, нетерпеливый, резкий и самоуверенный в своих детских суждениях становится предметом всеобщих ласк, удивления и похвал".

Когда наступило время позаботиться об обучении Джона, мальчик был отдан в школу пастора Джона Ворслея. При выборе учителя отец Говарда, не имея намерения дать своему сыну какое-либо специальное образование, руководился исключительно своими религиозными воззрениями, и неудивительно, что выбор его пал на человека, не столь сильного в познаниях, сколь крепкого в своих религиозных убеждениях, вполне соответствующих его собственным. В этой школе, несмотря на семилетнее пребывание в ней, юный Джон мало преуспел.

По собственному заявлению Говарда, сделанному много лет спустя, он оставил школу Ворслея, не научившись в ней почти ничему. Нельзя не признать, что малоуспешность первоначального обучения Джона была чрезвычайной. Ее объясняли неспособностью учителя, но такое объяснение едва ли будет достаточным. Вероятно, это зависело также и от самого ученика. Нам кажется, что на развитие и образование Говарда сильно повлияло общее направление, данное его воспитанию и сохраненное филантропом во всю его жизнь: молодой ум Джона старались направить к одному – к твердости и неуклонности в религиозных принципах, его упражняли в беспрекословном подчинении предписаниям религии. Задача первого учителя Говарда состояла, очевидно, не в развитии мышления и ума ребенка, а, если можно так выразиться, в дрессировании души его. Это было спартанское воспитание духа, наподобие спартанского упражнения тела. И кто знает, может быть, влиянию этого скромного сельского учителя, не сумевшего научить мальчика латинской и греческой грамматике – этому краеугольному камню образования первой половины XVIII века в Англии, – мир обязан всеми удивительными подвигами Говарда, поражающими не блеском и широтою замысла, а душевною

крепостью, геройством сердца.

Мы увидим впоследствии, какую важную роль играли в жизни Говарда его религиозные убеждения; между тем все дальнейшее его образование, по выходе из-под руководства Ворслея, не указывает на какой-либо фактор, который оказался бы действенным в этом направлении. Поэтому невольно приходит в голову мысль о том, что именно за семилетнее пребывание в школе пастора Ворслея, давшей ему так мало в смысле образовательном, Говард запасся тою душевною силой, которая составляет отличительную черту этого необычайного характера.

Из школы Ворслея молодой Говард переведен был отцом своим в высшую школу, находившуюся в заведовании одного из лучших тогдашних преподавателей в Лондоне – мистера Джона Имза, члена Королевского общества. Этот почтенный наставник готовил себя к духовной карьере, но после первой публичной проповеди усомнился в своих проповеднических способностях и посвятил себя воспитанию детей диссидентов. Благодаря своему обширному образованию Джон Имз вскоре занял высокое положение в ученых кругах Англии, был личным другом Ньютона и сделался одним из знаменитых в Лондоне педагогов. Этому человеку и поручено было дальнейшее образование Говарда. Одновременно с Говардом обучался в школе Имза известный впоследствии политический и литературный деятель Прайс. Оба молодых человека, несмотря на громадную разницу в характерах и способностях, подружились между собою и остались друзьями до самой смерти. В распоряжении биографов Говарда имеется немного материала относительно ранней юности Говарда, и, к сожалению, в нем вовсе нет указаний на знакомство и дружеские отношения его с Джоном Прайсом. Эти указания были бы чрезвычайно ценными в биографическом отношении. Вероятнее всего, молодых людей связало именно различие их характеров. Говард и Прайс друг друга дополняли: блестящие способности второго вполне соответствовали душевным качествам первого. Неудивительно, что при совместной школьной жизни, дававшей много поводов обнаружить свойства молодых людей, они почувствовали влечение друг к другу и на всю жизнь остались друзьями.

Неизвестно, сколько времени пробыл Говард в школе Имза, но во всяком случае он в ней оставался недолго. Говарда, как сказано уже выше, не готовили к ученой карьере; те познания, которые ему могло бы доставить более продолжительное пребывание в этой школе, – основательное знание греческого и латинского языков – представлялись в то время ненужными солидному коммерсанту, каким хотел сделать Джона его отец. К

тому же классические языки не особенно давались молодому человеку. О том, что вынес Говард из школы Имза – бесспорно, хорошей в отношении педагогическом, – друзья Говарда отзывались крайне различно. Так, Айкин в составленной им краткой биографии Говарда об общем образовании великого филантропа весьма резко замечает: “У него не было почти никакого знакомства ни с греческими, ни с римскими классиками; так же незначительны были его познания и по новым языкам, за исключением, впрочем, французского; недостаточным было его знакомство и с отечественной литературою, – до последних дней своей жизни Говард не умел изящно и правильно писать даже на родном языке”.

Наряду с этим отзывом, известен отзыв другого личного друга Говарда, доктора Стеннета, который также, на основании близкого знакомства с филантропом, свидетельствует, что “он был человеком большой учености, чрезвычайно начитанным в изящной литературе и хорошо знакомым с несколькими новыми языками”.

Биографы Говарда старались примирить эти два крайних отзыва о степени его образованности. Так, например, Диксон полагает, что Айкин слишком строго, – Стеннет же, наоборот, слишком снисходительно судят об учености Говарда. Мы полагаем, что, если отбросить крайности того и другого суждения, то во всяком случае окажется несомненным, что из школы Имза Говард вышел с незавершенным образованием. Если Говард в течение многих лет старался потом восполнить этот пробел и действительно его восполнил настолько, что друг его Стеннет считал его очень ученым человеком, то в образовании его всегда замечался недостаток систематичности, пробел в элементарных основах, что так часто встречается у самоучек. О неумении же красиво выражаться – необходимо признать бесспорным свидетельство Айкина, которому, как мы увидим впоследствии, Говард поручил редактировать свою книгу – о положении тюрем и госпиталей.

Не будучи сам ученым, Говард, однако, питал большое уважение к науке и всегда любил вращаться в ученых кругах Лондона.

Для той карьеры, которую готовил своему сыну отец молодого Говарда, образование, полученное им, было вполне достаточным, так что откладывать осуществление намерений отца для последнего казалось излишним. И вот пятнадцатилетнего юношу отдали для ознакомления с коммерческим делом в лондонскую оптовую торговлю мануфактурным товаром Ньюгема и Шиплея. Профессия

коммерсанта вряд ли соответствовала желаниям самого Джона Говарда, но с его стороны не могло быть и речи о противодействии, которого не допустил бы отец, отличавшийся строгим, патриархальным образом мыслей, да и сын, воспитанный в полном подчинении родительской воле, не был склонен оказывать его.

Биографы Говарда находят, что коммерческая деятельность его, хотя и кратковременная, не осталась для него бесследною. И действительно, нельзя отрицать, что в качестве торгового ученика молодой человек приобрел некоторое знакомство с жизнью, содействовавшее его умственному развитию, и что в деле Ньюгема и Шиплея Говард усвоил себе ту деловитость и аккуратность, которыми он отличался впоследствии, действуя на совершенно ином поприще. Но Говарду не пришлось долго оставаться у названных купцов. 9 сентября 1742 года умер его отец, Джон сделался наследником довольно обширного недвижимого имущества и капитала в семь тысяч фунтов (семьдесят тысяч рублей); сестра Говарда должна была, по завещанию отца, получить восемь тысяч фунтов и оставшиеся драгоценности. Хотя по воле отца имущество должно было перейти в распоряжение сына не раньше, как ему минет двадцать четыре года, однако назначенные душеприказчиками родственники умершего не видели надобности препятствовать Говарду в распоряжении как имуществом, так и своею судьбою. И вот для молодого человека появилась возможность оставить торговые занятия, весьма мало его привлекавшие. К тому же здоровье его было несколько расстроено, – ему необходимо было переменить род жизни, а прежде всего отдохнуть. Бросая торговлю еще до окончания срока заключенного с его принципалами договора, Говард, вероятно, не имел определенных видов на другое занятие: по крайней мере нет никаких указаний на то, чтобы у него были какие-либо определенные намерения. Их едва ли и мог еще иметь семнадцатилетний юноша, каким был в то время Говард.

Период воспитания Говарда, период подчинения его чужой руководящей воле окончился, – отныне он предоставлен был самому себе. Естественным является вопрос, что вынес юноша из этого воспитания, какой запас умственных и душевных сил приобрел он для предстоявшего жизненного пути и для самого выбора этого пути? Перед ним открывались разные дороги. Одна – торная, соблазнявшая воспользоваться свободою и средствами, довольно значительными для того, чтобы жить в свое удовольствие, как живет большинство богатых молодых людей, предоставленных самим себе. Этой дороги не избрал Говард. Не

пошел он и по другому пути, – его коммерческая практика не развила в нем стремления умножать свои средства: он оставил торговлю. Ко всякой же другой деятельности необходима была подготовка, нужно было дополнить свое образование, крайне недостаточное, как мы видели, для того чтобы избрать какую-либо свободную профессию или поприще общественной деятельности. Действительно, мы видим, что Говард не определяет сразу рода своей деятельности: проходит несколько лет – и он остается все на том же распутье, все в том же неопределенном положении.

Это, конечно, факт отрицательный, но вместе с тем характерный, свидетельствующий о том, что если из своего воспитания Говард не вынес особенных познаний, то запасся весьма драгоценным свойством – добросовестным отношением к самому себе, осторожностью и вообще серьезным взглядом на жизнь. Малоуспешное, в смысле образовательном, воспитание Говарда имело в результате большое значение – в смысле выработки характера. Нам неизвестны факты, которые свидетельствовали бы о том, что воспитание Говарда действительно было направлено к этой цели; и вероятнее всего, что те или другие его свойства были врожденными, наследственными; но одно то, что воспитание не изменило этих свойств, а укрепило их и довело до степени принципов, которыми Говард руководился во всю свою жизнь, – свидетельствует о его успешности.

Внутренний мир Говарда, его нравственный облик к тому времени определиться еще не мог; очертания этого колоссального характера выступают перед нами лишь постепенно и мало-помалу.

Глава II

Путешествие на континент. – Пребывание в Сток-Ньюингтоне. – Болезнь. – Женитьба на Саре Лойдор. – Смерть жены. – Поездка в Португалию. – Плен. – Возвращение

Здоровье Говарда требовало перемены климата и новых впечатлений. Поэтому он решил предпринять путешествие за границу на более или менее продолжительное время. Такое путешествие было целесообразно и в отношении образовательном. Значительный доход с имущества и капитала давал Говарду полную возможность осуществить свое намерение. Неизвестно в точности, сколько времени он посвятил этому путешествию; предполагают, что будущий филантроп провел на континенте года два. За это время он посетил Францию и Италию. Каким образом Говард проводил время – неизвестно; но он не пропускал случая посещать тот или другой музей, галерею и вообще все, что для любознательного путешественника могло представить какой-либо интерес. Судя по тому, что он за это путешествие составил себе небольшую коллекцию картин, которыми потом украсился его дом в Кардингтоне, можно думать, что его интересовало искусство. Домой Говард вернулся обогащенный знаниями, но здоровье его все же не было вполне крепким. Жить в Лондоне оказалось неудобно, – необходимы были лучшие условия – гигиенические и климатические. По совету врачей Говард поселился в Сток-Ньюингтоне – недалеко от Лондона. Не занимаясь ничем в особенности, он заботился только об укреплении своего здоровья. Болезненность побудила его заинтересоваться медициной; с другой стороны, необходимость следить за атмосферическими переменами, имевшими для него большое гигиеническое значение, вызвала в нем интерес к метеорологии, которою он занимался с особенной любовью. В этой науке Говард, однако, не шел дальше простых наблюдений над барометром и термометром, показания которых он усердно и аккуратно записывал. Известно, что во время своего пребывания в Сток-Ньюингтоне Говард вел чрезвычайно строгий образ жизни – аккуратность, строгая умеренность в диете были для него крайне необходимы. Несмотря на молодость, он сумел подчиниться всем тем стеснительным условиям, которых требовало его расстроенное здоровье. Первое время Говард жил в своем собственном доме, но там ему недоставало заботливого ухода; пришлось оставить родной кров и нанять помещение в доме одной очень почтенной вдовы – Сары Лойдор. Муж ее был клерком в торговой фирме и, умирая, оставил жене небольшой

дом, который служил единственным источником существования для его вдовы. Это была добрая женщина пятидесяти двух лет, ничем, впрочем, не замечательная. Страдая сама от разных болезней, она была чутка к чужому страданию, и неудивительно, что постоялец встретил в ней сочувствие к себе и нежную заботливость о его здоровье.

Живя в ее доме, Говард сильно заболел и в течение нескольких недель был прикован к постели. Только благодаря нежному уходу со стороны миссис Лойдор больной стал поправляться. И вот мы встречаемся с первым поразительным фактом, обнаруживающим характер Говарда. В благодарность за счастливый исход болезни, который он приписывал исключительно заботам Лойдор, он предложил ей свою руку и сердце. Старания умной женщины убедить Говарда, что избранный им способ выражения благодарности мало благоразумен, ни к чему не привели. Говард настаивал, и она должна была наконец согласиться. Никто из биографов Говарда не мог отыскать и тени романтизма в этом удивительном браке двадцатипятилетнего молодого человека с пятидесятидвухлетней женщиной. Говард следовал исключительно сознанию долга благодарности к Лойдор и полагал, что только браком с этой женщиной он может уплатить этот долг. Брак Говарда приводят обыкновенно в доказательство того, что еще задолго до своей филантропической деятельности он проявлял особенное величие души – умел приносить себя в жертву сознанию долга. Против такого взгляда на этот факт трудно спорить. Но нельзя не видеть в нем также проявления крайней эксцентричности и своеобразного понимания своих обязанностей.

В речи, произнесенной во время международного тюремного конгресса в Лондоне в 1872 году и посвященной жизни и деятельности Говарда, пастор Беллоус справедливо заметил, что “брак с Лойдор, как бы его ни оправдывали и даже ни восхваляли, видя в нем доказательство нравственной высоты Говарда, в действительности был последствием тех недостатков, которые присущи были его характеру, образованию, воспитанию и, наконец, состоянию его здоровья. И если долг побуждал его поступить таким образом, то этот поступок обнаруживает болезненное, опасное настроение будущего филантропа, в таком понимании долга – больше теплоты, чем света; но как иллюстрация его умственного и нравственного облика – этот факт чрезвычайно характерен”.

Семейная жизнь Говарда протекала мирно; неравный брак не имел для него тех дурных последствий, которые были бы неизбежными, если бы речь шла не о Говарде. Но недолго

длилась эта жизнь: на третий год брака жена его после продолжительной болезни умерла. Детей у них, конечно, не было. Говард остался опять один без определенных планов насчет будущего. Раздав имущество, оставшееся после жены, бедным жителям Сток-Ньюингтона, он решил предпринять новую поездку на континент.

На этот раз он направился в Португалию, пораженную в 1755 году страшным бедствием – землетрясением, разрушившим многие города и оставившим без крова десятки тысяч людей. Катастрофа эта привлекла к себе внимание всей Европы, всюду возбуждая сочувствие к обездоленным. Туда-то и решил направиться Говард. Неизвестно в точности, какие цели он имел при этом, что именно намеревался делать на самом месте катастрофы; но нет сомнения, что им руководило человеколюбие.

Поездке Говарда в Португалию, куда он направился морским путем на пакетботе “Ганновер”, суждено было иметь громадное влияние на всю его дальнейшую деятельность; можно сказать, что это предприятие обратило внимание Говарда на область, куда благотворительная деятельность до него мало проникала, где царствовал один мрак без всяких проблесков света.

Но прежде чем перейти к событию, которое необходимо отметить особенно и в котором нельзя не видеть зародыша могучей деятельности Говарда на поприще тюремной реформы, нелишне задаться вопросом, чем объяснить то, что, обладая недюжинной энергией и инициативой, будучи воодушевлен добрыми намерениями, искавшими осуществления почему-то в чужих далеких краях, – Говард не находил поприща для деятельности у себя дома?

На этот вопрос мы не находим ответа в биографиях Говарда. Но нам кажется, что объяснение заключается как в личных особенностях Говарда, так и в некоторых внешних условиях. Всё, как уже известно из биографии Говарда, показывает, что он не был ни рожден, ни воспитан для того, чтобы стать политическим деятелем. Его спокойное, созерцательное, если можно так выразиться, детство, не развившее в нем ни общительности, ни честолюбия, – некоторая умственная неподвижность, несомненно обнаруженная Говардом, в связи с недостаточным его образованием, нисколько не содействовали тому, чтобы естественный запас силы и энергии, присущей характеру Говарда, нашел применение на политическом поприще. К тому же он отличался крайней независимостью взглядов, и его женитьба достаточно доказывает, как мало обращал внимания Говард на общественное мнение, на установившиеся понятия; человека с таким характером трудно представить себе в водовороте

политической жизни, где все условно, все основано на компромиссе.

Если бы Говарда предназначали к богословской карьере – он, наверное, внес бы в эту деятельность много души и был бы на своем месте в роли пастора, но к этой деятельности он не был подготовлен. Естественно, филантропическая деятельность оказывалась для него наиболее подходящей: это было поприще, где Говард мог оказаться на высоте. Но так называемая частная благотворительность, помощь нуждающимся – случайная и незначительная – едва ли могла его удовлетворить. Филантропическое поприще как область общественной деятельности, служение не людям, а человечеству, – вот что нужно было Говарду. Неудивительно, что прежде чем мягкий, ищущий, где бы можно сделать больше добра, взор филантропа остановился на мрачных обиталищах отчаяния и порока – тюрьмах, – Говард бездействовал, не находя применения для своих сил.

Необходимо уяснить себе, что “доброта” Говарда не была добротою нервно размягченных субъектов, творящих добро для облегчения страдания, которое они не могут равнодушно переносить. В такой доброте, в большинстве случаев бессистемной и случайной, есть нечто слабое, нечто эгоистичное, хотя и не в дурном смысле этого слова. Такая доброта не ищет себе применения – она действует там, где ей приходится встречать нужду и страдание. Доброта Говарда была иного свойства. Она вполне уживалась с удивительною твердостью характера, со строгостью, с педантической точностью и последовательностью; эта доброта, превращенная в догмат, ищущая применения и стремящаяся создать нечто прочное, представляла собою запас душевной силы, не способной тратиться на мелочи...

Дома у себя Говард долго не находил поприща, где бы он мог применить свои силы, потому что филантропическая деятельность к тому времени сделалась уже в Англии государственным достоянием и представляла собою одну из задач местного самоуправления. Со времени Елизаветы, с 1604 года, помощь бедным была хорошо организована: налог для бедных давал более или менее достаточные средства, – тут Говард не мог внести ничего своего, здесь нечего было созидать. Нельзя не принять во внимание и того, что Говард был строгим сектантом и принадлежал к преследуемой если не секте, то религиозной партии – диссидентов, и благотворительная деятельность его в качестве члена местного самоуправления встречала бы не только препятствия, но даже непреодолимые затруднения.

Вот почему Говард искал, так сказать, подходящего случая; такой случай наконец и представился ему в Португалии. Толпы обездоленных и лишенных крова ждали помощи – и вот Говард, вероятно, не уяснив себе, в чем именно будет заключаться его деятельность среди португальцев, поспешил откликнуться на зов страждущих.

Пакетбот “Ганновер”, на котором отправился Говард, не дошел до места назначения – Лиссабона. Семилетняя война была тогда в разгаре, и Франция не пропускала английских судов. Недалеко от Бреста “Ганновер” был захвачен в плен французским капером и приведен в Брест. Там Говард вместе с прочими пассажирами в качестве военнопленного был заключен в тюрьму. В темной, грязной, лишенной воздуха комнате, без пищи и без сна Говард провел шесть дней. Из Бреста его перевели в Морле, затем в Карпэ и наконец дали ему относительную свободу, выпустив из заключения под честное слово. Говард внушал столько доверия даже враждебным французам, что после двухмесячного пребывания в Карпэ его отпустили под честное слово в Брест, а затем и в Англию, причем он обязался вернуться назад, если английское правительство откажется взамен его отпустить на свободу одного из пленных французских офицеров. Дома он не считал себя свободным до тех пор, пока ему не удалось исходатайствовать освобождения одного французского офицера и выполнить таким образом данное слово.

Сам Говард в своей книге, изданной почти двадцать лет спустя и посвященной состоянию тюрем, рассказывает о том, что приходилось терпеть военнопленным.

“Как обходятся французы с английскими военнопленными, – говорит он, – мне пришлось испытать лично на себе в 1756 году, когда корабль, на котором я был пассажиром, по дороге в Португалию был захвачен французским капером. Прежде чем нас привезли в Брест, я страдал от жажды и голода: в течение сорока часов мы не получили ни капли воды, ни кусочка пищи. В брестской крепости пришлось шесть ночей пролежать на соломе. Так обращались со всеми моими соотечественниками – в Морле и Карпэ, где я в течение двух месяцев оставался под честное слово. Во все это время я переписывался с другими пленниками, заключенными в Бресте, Морле и Динане (где содержался мой слуга). Я имел достаточно доказательств жестокого обращения с ними французов: несколько сот военнопленных погибло, в один день в общей могиле в Динане похоронено было тридцать шесть человек. Вернувшись – всё под честное слово – в Англию, я сообщил обществу попечения о больных и раненых моряках все подробности и нашел в нем сочувствие к участи заключенных:

при содействии общества пленные матросы были освобождены и доставлены в Англию... Быть может, – прибавляет Говард, – испытанные мною при этом невзгоды возбудили во мне сочувствие к тем несчастным, которым посвящена эта книга".

Так окончилась попытка Говарда прийти на помощь страждущему человечеству. Сочувствие к заключенным, вынесенное им из своего путешествия, было только зерном, постепенно пускавшим корни в душе филантропа, и лишь впоследствии оно принесло плоды в столь замечательной и обильной деятельности, обессмертившей его имя. Но пока мы видим Говарда частным человеком, устраивающим свои личные дела и ограничивающимся возможностью творить добро окружающим. Будущий филантроп как бы собирается с силами. Здоровье его несколько окрепло; он уже теперь не прежний болезненный эксцентричный юноша, не знающий, куда затратить свои душевные силы, и расходующий их на выполнение такого долга, как благодарность за уход, заплаченная женитьбой на пятидесятидвухлетней больной женщине. Это зрелый двадцатишестилетний молодой человек, спокойно занимающийся своими делами и ожидающий случая быть полезным.

Глава III

Говард в Кардингтоне. – Его религия. – Интерес к метеорологии. – Избрание в члены Королевского общества. – Второй брак. – Условие, заключенное с невестой в день свадьбы. – Жизнь в Уэткомбе. – Деятельность Говарда в Кардингтоне, устройство школы. – Смерть жены. – Говард как отец. – Его взгляд на воспитание детей

Говард поселился в своем небольшом наследственном имении Кардингтоне, близ Бедфорда. Здесь провел он большую часть своего детства, здесь же ему суждено было прожить лучшие годы семейного счастья, подаренного вторым браком. Ему пришлось прежде всего привести в должный порядок это запущенное владение, приспособить дом для жилья и заняться устройством дел со своими арендаторами. Говард не заводил знакомств, жил уединенно, посвящая свой досуг самообразованию. Все биографы отмечают его особенную любовь к религиозному чтению; Библия и Евангелие были книгами, откуда Говард черпал правила жизни. В своих религиозных убеждениях он являлся истинным пуританином. Религия его не носила на себе светлого и жизнерадостного отпечатка, – строгая и мрачная, она граничила с аскетизмом. В ней не было ярких красок, не было мягкой теплоты. Биографы Говарда справедливо видят в его религиозных убеждениях и жизни преобладание древнеиудейских религиозных принципов, идеалов Ветхого Завета.

Понятно, что классическая литература с ее выразительной пластикой не могла привлекать Говарда; не красота, а величие духа была его идеалом. В этом лежит причина его строгости к себе и другим, – он был строгим мужем и строгим отцом; его философия была узкой, сектантской мудростью, строгой и мрачной.

Говард по-прежнему занимался метеорологией и неуклонно продолжал свои наблюдения над температурой. Он вел аккуратные записи своих наблюдений, причем усердие его доходило до того, что каждые сутки он вставал около двух часов ночи и при свете фонаря отмечал температуру. Его любовь и уважение к науке дали ему возможность сделаться членом Королевского общества. Общество это принимало в свою среду не только ученых, но и “любителей науки”, одним из которых, несомненно, был и Говард. Свое участие в трудах общества Говард выражал неоднократными сообщениями о своих метеорологических наблюдениях. Два таких сообщения были

напечатаны в трудах Королевского общества: одно – о внезапном падении температуры, которое Говарду удалось заметить в Кардингтоне, а другое – о температуре кратера Везувия. Оба изложены в виде кратких писем на имя секретаря общества.

Года два прожил Говард один в своем поместье; посещая довольно часто Лондон, он заводил кое-какие знакомства и между прочим познакомился с семейством Лидс. Мисс Генриетта Лидс обратила на себя внимание Говарда, и спустя короткое время он решился соединить свою судьбу с судьбою этой девушки. Трудно представить себе более подходящую пару. Дочь весьма почтенного адвоката в Кроксфорде, Генриетта получила хорошее образование и была совершенно свободна от недостатков женского воспитания XVIII века. В ней не замечалось ни тщеславия, ни влечения к светским удовольствиям. Она была чрезвычайно религиозна и оказалась вполне способною понимать такую сосредоточенную и строгую натуру, как Говард. 25 апреля 1758 года они стали мужем и женой. Весьма характерен тот факт, что в самый день бракосочетания Говард заключил со своей невестой формальное условие, по которому во всех случаях, когда между ними произойдет какое-либо несогласие во мнениях, перевес должен брать его голос, – он один имеет окончательное мнение по всем вопросам, жена же должна быть безмолвною и покорною исполнительницей его воли. Насколько это событие говорит в пользу искренности Говарда, предпочитавшего наперед установить права, чем потом отвоевывать их, настолько же им характеризуется несколько деспотический характер и чисто восточный взгляд филантропа на подчинение жены воле мужа. Он не допускал даже мысли, что иной раз взгляды жены могут быть более верными и с полной самоуверенностью желал с самого начала быть хозяином положения. Вполне естественным представляются те случаи, когда муж благодаря своей большей житейской опытности, образованию и т. п. оказывается фактическим вершителем судеб семьи. Но мало, вероятно, найдется благоразумных женщин, которые наперед приняли бы такие условия, какие поставил своей любимой и любящей невесте Говард. Как ни радостны были чувства молодой Генриетты, соединившейся брачными узами с любимым человеком, в них несомненно заключалось немало и горечи: перспектива полного подчинения, нравственного рабства не могла быть особенно привлекательной. Но она пошла за Говардом, и только высоким нравственным и умственным качествам этой женщины нужно приписать, что их семилетняя семейная жизнь протекла во взаимном согласии, – или, согласно условию, в подчинении воле мужа. Быть может, к заключению такого условия побуждало

Говарда различие религиозных верований: Генриетта не была диссиденткой, а принадлежала к англиканской церкви.

Насколько религиозна была Генриетта, показывает рассказанный одною из интимных подруг молодой женщины эпизод. Вскоре после свадьбы Говард, желая доставить жене своей развлечение, отправился вместе с нею на одно народное гулянье. Молодая женщина, несмотря на оживленное движение вокруг нее, оставалась задумчивой, меланхоличной. На вопрос мужа, о чем она так задумалась, Генриетта отвечала, что думает о последней проповеди пастора.

Через несколько дней после свадьбы новобрачные оставили Лондон и устроились в Кардингтоне. Пришлось заняться приготовлением дома к новым условиям жизни. Говард рассчитывал приступить к давно задуманному плану устройства поселян, арендовавших у него землю и находившихся в чрезвычайно плачевном положении. Улучшению их участи Говард и намеревался посвятить свое время и свои средства. Но болезнь жены заставила отложить осуществление этого намерения. По совету врачей, нужно было переселиться на время в Уэткомб, близ Лимингтона. Здесь Говард приобрел небольшое поместье, принадлежавшее ранее морскому капитану Блэку. На новом месте Говарду пришлось встретить враждебное отношение со стороны местного населения, установившееся вследствие жестокого обращения с поселянами прежнего владельца поместья и перенесенное также на его преемника. Но вскоре доброта и благотворительность молодой четы расположили к ним всех окружающих.

Чем занимался Говард во время пребывания в Уэткомбе – неизвестно. Во всяком случае, ничто не нарушало спокойного течения жизни молодых супругов. Не прожив там полных трех лет, они вернулись в Кардингтон, так как надежды на целебное действие климата в новом месте не оправдались. И вот Говард приступает к устройству своих поселян. Их полуразрушенные жилища, грязные и тесные, он заменял уютными и гигиеничными коттеджами. Объяснив себе бедственное состояние поселян отсутствием грамотности и недостатком религиозного воспитания, Говард устроил для них школу и выработал план преподавания, причем почти исключительное внимание уделено было Закону Божию; от детей требовалось строгое исполнение религиозных обрядов и посещение богослужения. Во всех своих начинаниях он встречал деятельную помощь в лице Генриетты, вполне сочувствовавшей благотворительной деятельности своего мужа. Благородный пример Говарда нашел весьма ревностного подражателя в лице богатого земледельца и соседа по имению

Говарда – мистера Вайтбрида. Благосостояние поселян стало заметно улучшаться; скоро вся местность близ Кардингтона сделалась одною из самых цветущих в королевстве.

Заботы о благосостоянии крестьян наполняли собой всю жизнь Говарда, поглощали его всего. Так он прожил бы еще долго, далеким от общественной арены, действующим в узком кругу сельской жизни; но его счастливая семейная жизнь внезапно прекратилась самым плачевным образом: 31 марта 1765 года жена Говарда умерла вскоре после того, как родила сына. Это был первый ребенок, и появление его потребовало такой жертвы. Смерть любимой жены глубоко поразила Говарда: для него отныне не существовало личной жизни; покорившись воле Всемогущего, он подавил в себе горе, оставившее, однако, в нем глубокий след.

До конца жизни Говард свято чтил память о безвременно умершей жене. Все, что напоминало ему о ней, считалось им неприкосновенной святыней. Много лет спустя, перед одной из своих поездок по континенту, ходил он с сыном по саду и, остановившись у одного из деревьев, сказал ему: “Джек, если я не вернусь, ты, оставшись хозяином поместья, можешь, конечно, сделать с деревьями все, что найдешь нужным; но это дерево посажено твоей матерью, и если ты тронешь хоть одну его ветку, то да не будет тебе никогда моего благословения”.

Опять, как после смерти первой жены, Говард решил предпринять поездку на континент. Но забота о сыне заставила его отложить отъезд. Здесь будет уместным остановиться на отношениях Говарда со своим сыном. Говарда упрекали в излишней строгости как мужа и как отца; упреки идут так далеко, что его обвиняют даже в жестоком обращении с ребенком. Судьба этого мальчика была действительно печальной. Не зная никогда матери, он рос под наблюдением отца, вообще мало способного проявлять какие-либо нежные чувства, даже тогда, когда он их питал. Долговременные отлучки отца, значительную часть времени проводившего в поездках по континенту, лишали ребенка и этих немногочисленных ласк. Воспитание, данное ему по плану Говарда, было чисто спартанским, основанным на одном принципе – абсолютного подчинения воле старших. Без детских радостей, в строгом религиозном аскетизме, без материнской любви и ласки протекала однообразно молодая жизнь. Всякое проявление индивидуальности ребенка систематически подавлялось. Ребенок не воспитывался, а дрессировался. Неудивительно, что насильственно, только внешним образом привитые, но не проникшие в сознание мальчика религиозные начала перестали руководить им, как только юноша почувствовал

себя на свободе, особенно во время своего пребывания в Кембридже, где он был помещен в одном из университетских колледжей.

Мы уже видели примеры твердости характера Говарда и той несокрушимой последовательности, с которою он умел исполнять то, что считал своим долгом. Вот как излагает взгляд Говарда на воспитание детей его личный друг доктор Айкин, со слов самого Говарда: “Говард смотрел на детей как на создания, одаренные страстями и желаниями, но не обладающие еще разумом для управления ими; поэтому, по его мнению, дети от природы как бы предназначены к подчинению абсолютному авторитету. Первый и фундаментальный принцип, которым необходимо руководствоваться при воспитании детей – безусловное подчинение их воле старших, чего, однако, можно достигнуть не вразумлением ребенка, так как действия разума в ребенке еще не проявляется, а обузданием и дрессированней”. Понятно, что применение этого принципа со стороны Говарда, умевшего строго придерживаться правила – leniter in modo, sed fortiter in re (действовать энергично, хотя и постепенно), – было если и не резким, не жестоким, то во всяком случае твердым и решительным. Неудивительно поэтому, что среди окружающих, а затем у некоторых из биографов Говарда сложилось убеждение, что Говард жестоко обращался со своим сыном. Указывали на случай, когда он запер мальчика, которому было не более трех-четырех лет, в заброшенном домике в саду, где ему пришлось оставаться в течение нескольких часов. В действительности же, как рассказывает одна из близких знакомых Говарда, бывшая в то время у него в гостях, дело происходило так: Говард вместе с нею, держа за руку своего сына, гулял по саду, как вдруг ему сообщили, что его кто-то ждет в доме; рассчитывая тотчас же вернуться, он велел мальчику войти в домик и, в предупреждение проказ, от которых мог бы пострадать ребенок, находясь без присмотра, запер его. К несчастью, Говарда задержали, он забыл о запертом ребенке и только через несколько часов, заметив его отсутствие, опрометью бросился в сад, чтобы освободить маленького узника, который, впрочем, мало тяготился одиночеством и мирно спал в своем заключении.

Нечего говорить, что избранная и выполненная Говардом система воспитания ребенка оказалась не только не годною, но и пагубною, “уверенный в чистоте своих побуждений, Говард, – говорит Беллоус, – был тверд в своих правилах, и во всей его жизни нет примера, чтобы он предпочел своему личному взгляду чужое мнение... Он считал человеческую природу совершенно испорченною и склонен был всякое естественное чувство

приписывать дурному источнику. Человеческая воля, по его мнению, – революционна и потому должна быть сломлена, а не направляема. Он считал своим долгом применить к своему сыну ту свою теологическую теорию, по которой главным началом должно служить беспрекословное, не ищущее разумных оснований, повиновение".

Чтобы укрепить ребенка в этом повиновении, Говард принуждал его переносить большие неудобства, – так, например, он заставлял его ходить босиком по каменистым дорожкам сада, что выдрессированный ребенок беспрекословно исполнял. Отец был доволен своей системой и не без некоторого удовольствия уверял своего друга Айкина, что, прикажи он его мальчику положить руку в огонь, – мальчик без рассуждения исполнит его требование. Нет сомнения, что ребенок не питал особенной привязанности к своему отцу, суровость которого он приписывал его нелюбви к себе и капризам. Когда стали ясно обнаруживаться несчастные последствия этого воспитания, Говард все-таки не мог признать своей ошибки, а со своеобразной "покорностью воле Божьей" принял это за испытание родительского сердца; он не допускал мысли, что нельзя безнаказанно игнорировать права детства и подчинять детскую природу такой же тирании, какую проявляли над самим Говардом его религиозные убеждения.

Полтора года Говард безвыездно прожил в Кардингтоне. Перенесенное им нравственное потрясение настолько надорвало его физические силы, что оказалось необходимым лечиться, и вот он проводит некоторое время в Бэте, климат которого действительно оказался благоприятным для его здоровья. Здесь Говард имел возможность делать интересные наблюдения над температурою воды в источниках Бэта; полученные при этом результаты он сообщал Лондонскому Королевскому обществу.

На обратном пути домой Говард провел некоторое время в Лондоне, вращаясь среди своих друзей и членов ученого общества. Следующею весною он совершил поездку в Голландию, где ему особенно нравилась чистота нравов и религиозность населения. Но надолго уезжать из Кардингтона оказывалось неудобным. Говард не хотел оставлять своего ребенка в чужих руках и желал лично руководить первоначальным его воспитанием.

Глава IV

Поездка на континент в 1769 году. – Религиозное настроение Говарда. – Его дневник. – Путешествие до Турина. – Обратный путь через Женеву. – Париж. – Изменение плана поездки. – Обет в Неаполе. – Возвращение в Англию

Когда сыну Говарда было уже четыре года и его, по мнению отца, можно было поручить попечению наставников, желание предпринять долгое путешествие по континенту стало осуществимым. Однако и на этот раз Говард не имел определенной цели для путешествия. Жизнь в Кардингтоне была тяжела для него из-за печальных воспоминаний; для его деятельной натуры здесь не представлялось никакой арены действий: все, что можно было сделать, он сделал и оказался опять в положении человека без определенных занятий. К тому же здоровье его от бездеятельности расстраивалось, и врачи советовали ему более или менее долгое пребывание на юге Италии. Поместив сына у одной очень почтенной особы, содержавшей училище для девочек в Чесдонте, близ Гердфорда, он весною 1769 года собрался в путь.

Во время этого путешествия Говард вел дневник или, вернее, записки, заключавшие в себе путевые впечатления. Лучшему биографу Говарда – Балдуину Брауну – удалось разыскать манускрипт, так же как и некоторые письма, адресованные главным образом пастору Саймондсу, главе конгрегации диссидентов в Бедфорде, к которой принадлежал и Говард. Эти записки и письма свидетельствуют о глубоко религиозном настроении, в котором находился Говард в то время. Местами его записки обнаруживают религиозный экстаз; в них слышится крик души, взывающей к Богу, изливающейся в славословии Его, проникающейся и ослепленной величием Творца. Религиозный экстаз Говарда не представляет собой ничего мистического – это не продукт фантазии, а сознание бесконечной высоты идеи о Боге. Нельзя не привести здесь характеристики религиозности Говарда, сделанной пастором Беллоусом: “Говард жил в дни дуализма, когда материя и дух, дело и безделье, благочестие и удовольствия, Бог и природа, земной мир и загробный – рассматривались как нечто враждебное друг другу, как нечто антагоническое. Говард не был выше идей своего времени и только проводил их с крайней последовательностью. Всякое личное наслаждение, удовлетворение любознательности, интерес к музыке и искусству – он считал отвлекающим от исполнения религиозного долга. Никогда еще благочестие не имело такого

непосредственного, решительного влияния на жизнь человека. Св. Симеон Столпник не был более свободен от человеческих увлечений и светских удовольствий, чем Говард, который при своем благочестии в такой же мере был доступен наблюдению, в какой святой анахорет стоял вне его: обоих одинаково воодушевляло блаженное самоудовлетворение и стремление к одному только общению с Богом. Нет сомнения, что в Говардовом благочестии было что-то болезненное, узкое; но нельзя отрицать, что для той миссии, выполнить которую было предназначено Говарду, его странный пиетизм и аскетическая суровость, его болезненное испытывание самого себя и постоянная боязнь лишиться спасения – были только полезными качествами, послужившими на пользу человечеству... Живи Говард в более ранний век, он удалился бы в пустыню и жил в пещере, подобно пророку Иеремии. При отсутствии специального образования, недостаточном развитии фантазии и живости в характере – Говард нуждался в деятельности, и, к счастью человечества, он способен был только к такой деятельности, которая требовала самоотречения".

Направившись через Кале и южную Францию и достигши Турина, Говард изменил свои намерения. Здоровье его несколько поправилось, и особая надобность в южном климате, как ему казалось, уже отпала.

В записках его имеется заметка от 30 ноября 1769 года, в которой он объясняет причину, по которой решился изменить свой первоначальный план прожить некоторое время на юге Италии. "Дальнейшее путешествие по Италии, – писал Говард, – было бы удовлетворением одного только любопытства, между тем оно потребовало бы нескольких лишних недель, и еще несколько воскресных дней прошли бы для меня без общения с собранием единоверцев, без общения с Богом; трата денег на удовольствия, вместо того чтоб употребить их на благотворительность, противна правилам, руководящим моею жизнью, и недостойна истинного последователя Христа, каким я хотел бы быть. Эти мысли и желание скорее увидать моего дорогого мальчика победили мое любопытство взглянуть на юг Италии и вызвали мою решимость вернуться назад. Зачем суете и безумию омрачать мысли ищущего небесного царствия. Крепись, душа! Ничтожно, низменно все, что не направлено к славному царству жизни, света и любви!"

Обратный путь Говард совершал через Женеву и Париж. В письме из Женевы к пастору Саймондсу он сообщает своему другу об упадке религиозного духа в населении этого некогда благочестивого города; развращенность нравов, замеченную в

Женеве, Говард приписывает “принципам самого развращенного из людей”, т. е. Вольтера, и близкому соседству с Францией. В Гааге Говарду пришлось остановиться: состояние его здоровья сильно ухудшилось, врачи советовали ему вернуться в Италию и прожить некоторое время в Неаполе. И вот Говард опять очутился в дороге по направлению туда, откуда он едва успел прибыть.

По пути в Неаполь Говард остановился в Риме. В письме к Саймондсу он описывает прием у папы и между прочим рассказывает, что, когда папа благословлял его, он не преклонил колена, как делали прочие, а только поклонился, чем вызвал негодование окружавших первосвященника кардиналов. Его возмущают оказываемые католическим населением божеские почести папе; Говард не скрывает отвращения, внушаемого ему католической церковью, и благословляет небо, что он протестант и последователь истинного Христова учения.

Письмо Говарда и его мемуары свидетельствуют о том, что в описываемый нами период великий филантроп находился в чрезвычайном религиозном возбуждении. Он пользуется всякою остановкою в пути, чтобы сделать запись в своем дневнике относительно посещающих его религиозных дум; все чувства и помыслы Говарда сосредоточены на религии, на стремлении к Богу, и оттого некоторые части его дневника представляют собою как бы записанные молитвы о спасении и царствии небесном. Каждое свое побуждение, каждый свой шаг он оценивает с точки зрения христианского долга; душа его изнывает от сомнений; всю свою энергию он расходует на воодушевляющий его религиозный энтузиазм.

Высшей степени своего развития достигает религиозный экстаз Говарда в Неаполе. Здесь он дает обет вечного служения Богу и, по распространенному у диссидентов обычаю, облекает его в формальное, письменное обязательство перед Богом. Этот документ, составленный 27 мая 1770 года, чрезвычайно характерен: он заключает в себе исповедь Говарда и торжественное обещание быть служителем Всевышнего. Это обязательство впоследствии было возобновлено Говардом в Москве 27 сентября 1789 года.

В Неаполе Говард пробыл недолго. В июне 1770 года он оставляет Неаполь и через Германию возвращается на родину. Одна запись в дневнике, сделанная в Гейдельберге, где Говард провел воскресный день (воскресные дни Говард никогда не проводил в дороге, а всецело посвящал молитве), показывает, что он чрезвычайно тяготился своей бездеятельностью. С ужасом он оглядывается назад и видит, что им еще ничего не сделано для того, чтобы заслужить царство небесное.

Через несколько недель после этого Говард наконец прибыл домой. Его ждало высокое назначение. Нашлось поприще, на котором он мог выполнить свое обязательство перед Богом и заслужить бессмертие. Его имя вскоре сделалось символом самоотверженного труда на благо страждущему человечеству.

Глава V

Болезнь. – Назначение Говарда шерифом в 1773году. – Исполнение им своих обязанностей. – Знакомство с состоянием тюрем. – Бедфордская тюрьма. – Уголовное законодательство того времени. – Тюрьмы в Европе. – Задача Говарда

Запущенный дом в Кардингтоне, целый ряд воспоминаний, болезненно отозвавшихся на настроении Говарда, наконец, его религиозное возбуждение – все это удручающим образом подействовало на его здоровье. Чтобы несколько отвлечься от мрачных впечатлений, Говард совершил поездку внутрь страны, но по дороге заболел и в течение шести месяцев был прикован к постели.

Едва оправившись от болезни, он вернулся домой и с удвоенной энергией принялся за попечение о бедных поселянах и учрежденной им ранее школе. Круг деятельности его постепенно расширялся – его уже занимали не одни только поселяне собственного поместья, и в течение двух лет имя Говарда сделалось самым популярным во всем Бедфордском округе.

В 1773 году Говард был назначен шерифом в Бедфорде.

Это назначение доказывает, насколько популярен был великий филантроп. Не обладая ни большими поместьями, ни обширными связями в высших аристократических кругах, только благодаря своим личным качествам, Говард смог достигнуть такой высокой чести. Не без некоторого риска вступил он, однако, на эту должность. Дело в том, что как диссидент Говард не мог принять присяги в установленной законом форме, – принятие ее было бы несогласным с догматами исповедуемой им религии, а о компромиссе со стороны Говарда не могло быть, конечно, и речи; отправление же должности без присяги могло повлечь за собою значительный штраф и лишение некоторых гражданских прав. Один из его первых биографов указывает на то, что Говард согласился принять на себя звание шерифа вследствие обещания, данного ему тогдашним лордом-канцлером графом Бетерстом, устранить всякие невыгодные последствия противозаконного вступления в должность без установленной присяги. Это ни на чем не основанное предположение оказывается совершенно невероятным для всякого, кто знаком с английским правовым порядком: никто в мире не может остановить действие неотмененного закона, и не во власти лорда-канцлера (министра юстиции) освобождать кого-либо от налагаемой законом ответственности. Принимая должность

шерифа без присяги, Говард знал, какому риску он подвергается: всякий враждебно настроенный гражданин мог привлечь его к ответу перед судом. Но, видя в назначении его шерифом указание свыше на путь, по которому ему следует пойти, он без колебаний и страха пошел по нему.

Обязанности шерифа довольно многосложны и чрезвычайно важны. Шериф – представитель государственной власти. В его руках сосредоточены как надзор за местным самоуправлением, так и все функции, вверяемые непосредственно представителям короны. Одна из главных обязанностей шерифа – оказание помощи в отправлении правосудия. Всецело на шерифе лежало заведование и попечение о тюрьмах. Для Говарда открывалось, таким образом, широкое поле деятельности.

Званием своим он воспользовался не для представительства в среде местного дворянства, не для устройства торжественных приемов, празднеств и традиционных встреч королевских судей, периодически посещавших Бедфорд на время судебных сессий, а для действительного исполнения всех обязанностей, соединенных с этим званием.

В качестве шерифа Говард впервые вошел в соприкосновение с миром преступников. О тюрьмах, их устройстве и порядках, господствовавших в них, он знал лишь настолько, насколько об этом говорилось в случайно читанных им книгах. И вот теперь он в качестве шерифа присутствовал в суде; перед его глазами проходили десятки людей, осуждаемых и оправдываемых, измученных, изможденных заключением в тюрьме. Говарда, вникавшего во все, добросовестно относившегося к возложенным на него обязанностям, особенно заинтересовал тюремный быт. Он стал знакомиться с условиями содержания в тюрьмах лиц, осужденных и подозреваемых в совершении преступления. Посещая с этой целью бедфордскую тюрьму, Говард увидел то, чего никогда не мог бы себе представить. Найдено было, наконец, поприще, на котором ему оказалось возможным выполнить обет, данный в Неаполе. С этого момента деятельность Говарда получает общественный, затем государственный, наконец общечеловеческий интерес и не прерывается ни на минуту, – даже смерть застала его за этой деятельностью.

Небольшой бедфордской тюрьме суждено было сделаться, так сказать, колыбелью тюремной реформы. Та же самая тюрьма за сто лет до того прославлена была пуританином Беньяном, бывшим в течение двенадцати лет ее узником. Сидя в этой тюрьме, он написал свою знаменитую книгу “Pilgrim's Progress”[2]. Беньян был личным другом Мильтона и Кромвеля; осужденный при Реставрации Стюартов по обвинению в отрицании

божественного происхождения королевской власти, он отбывал наказание в той самой бедфордской тюрьме, где Говард впервые стал проявлять свою реформаторскую деятельность.

Первое, что обратило на себя внимание Говарда, – это установившийся обычай не назначать жалованья тюремным смотрителям, а сдавать им тюрьмы как бы на откуп. С указания на это Говард начинает свою книгу “The State of the Prisons” (“Состояние тюрем”): “Ужасное положение заключенных, о котором мало кто имеет верное представление, впервые обратило на себя мое внимание в бытность мою шерифом Бедфордского графства, и главным обстоятельством, возбудившим мою деятельность в пользу заключенных, было то, что арестованные, признанные невиновными в суде, должны были платить деньги за свое содержание в тюрьме. Нередко люди, не только не осужденные, но и освобожденные от всякого уголовного преследования вследствие отсутствия достаточных улик для предания суду, должны возвращаться в тюрьму и оставаться в заключении, пока не уплатят смотрителю за свое содержание в тюрьме и сверх того не вознаградят секретаря ассизов за его труд по делу и т. д. Желая устранить эту жестокость, я обращался к судьям графства с предложением назначить определенное жалованье смотрителю вместо того, чтобы предоставлять им взимать плату с заключенных. Это предложение было встречено сочувственно, высказана была готовность установить такой порядок; но нужно было указать на прецедент, для того чтобы возложить на графство этот новый расход. И вот я отправился в соседние графства, разыскивая, не установлен ли где предлагаемый мною способ содержания тюремных смотрителей, но вскоре, к сожалению, убедился, что везде существует тот же несправедливый порядок, против которого я восставал. Мне пришлось натолкнуться на ужасные картины бедствия, причем по мере моего знакомства с плачевным состоянием мест заключения во мне все более и более крепла решимость помочь несчастным. С целью подробного изучения дела путем точного и разнообразного наблюдения я посетил большинство местных тюрем в Англии”. Чтобы понять всю трудность задачи, поставленной себе Говардом, необходимо хотя бы вкратце остановиться на положении уголовного законодательства и юстиции конца XVIII века как на родине Говарда – в Англии, так и в остальной Европе.

В законодательствах господствовал один только принцип, которым руководилась уголовная юстиция, – устрашение преступника и граждан вообще. В наших законодательных памятниках этот принцип выражался афоризмом “бить нещадно, дабы, на то глядя, другим озорничать неповадно было”. И в

научной обработке начал уголовного права, под тем или другим видом, в конце концов приходили к тому же основному началу. Каноническое право не видоизменило этого принципа, даже, наоборот, больше укрепило его. Принцип раскаяния, из которого потом выросло благодетельное начало исправления преступников, был слишком малосущественным и почти не имел практического значения уже по одному тому, что раскаяние предполагалось как следствие суровых карательных мер. Попытки смягчить принцип устрашения идеей справедливости – не удавались. Оно и понятно – личность преступника не принималась в расчет; его деяние требовало отмщения или вызывало необходимость общественного или государственного воздействия. Преступное деяние представлялось опасным для общественного порядка, необходимо было оградить общество или государство от нарушителя порядка, – это сделать нетрудно, раз преступник попался в руки правосудия: стоит лишь бросить его в тюрьму, лишить его жизни. Человеческая личность сама по себе не имела никакой ценности; государство, сословие, цех поглощали ее вполне: человек представлялся каким-то материалом – не субъектом прав, а объектом, – владычествовала масса, корпорация, сословие. Понятно, что не существовало никакой соразмерности вины с наказанием. Отсюда такое изобилие казней.

В нашем русском уголовном законодательстве очень рано проявилось стремление извлекать пользу из заключенного, эксплуатировать его для государства; вот почему в истории карательной системы у нас весьма незначительную роль играли тюрьмы, – их было немного. Стоит взглянуть на Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года, чтобы убедиться, какое ничтожное место в карательной системе отведено тюремному заключению. Если за данную вину не полагали справедливым казнить, то виновный эксплуатировался в государственных интересах, – вся ссылка сложилась под влиянием принципа полезности, т. е. извлечения пользы для государства из личности преступника. Но если у нас этот принцип призван был к жизни благодаря особым условиям и главным образом колонизационным стремлениям правительства, то на Западе для применения его не было места. Идея же тюремного труда тогда еще не народилась. Места заключения, где тюремный труд тогда применялся, являлись лишь в виде исключений, притом они не были собственно тюрьмами, а рабочими домами, в которых содержались не преступники, а бедные, нищие, бродяги.

Заботиться о содержащихся в тюрьмах не было никакого интереса для государства. Попавший в тюрьму редко из нее

выходил: сроки заключения не были короткими, большею частью преступники содержались в заключении пожизненно. Крепкая тюремная ограда и запоры отделяли непроницаемой стеной мир тюремный от всего прочего мира. Только последний мог кого-либо интересовать; всё же, что находилось внутри ограды, было забыто, – арестанты считались заживо погребенными, – кому было дело до того, раньше или позже подвергнется физическому и нравственному разложению заключенный в тюрьму живой труп. К тюрьмам можно было буквально применить слова Данте об аде: “Оставьте всякую надежду, входящие сюда”.

Таково было общее положение тюрем с небольшими видоизменениями в разных странах. Если где и существовало попечение о тюрьмах, то оно всецело находилось в руках духовенства, – особенно там, где имелись духовные ордена. Государство же нигде никаких забот о тюрьмах и о заключенных в них не проявляло. Замечательно, что Англия, служившая образцом правильности отправления правосудия и выработавшая суд присяжных, привлекавший в конце XVIII века внимание всех реформаторов в области законодательства, – что Англия не только не стояла впереди континентальных государств в налаживании тюремного дела, но во многих отношениях оказывалась позади их. Насколько совершенен был судопроизводственный строй, настолько же устарелым и неприглядным было законодательство о преступлении и наказании. Личность гражданина нигде не была так гарантирована от административного произвола, как в Англии, создавшей еще в 1215 году “хартию вольностей” и Habeas corpus act. Но если тот же вольный гражданин осужден, попал в сети уголовного закона – ничто уже больше не гарантировало его человеческих прав: над ним устанавливалось то, что только в недавнее сравнительно время получило законодательное название “уголовного рабства” (penal servitude). В современной карательной системе и организации в Англии уголовное рабство есть высший после смертной казни род наказания, между тем как в Англии XVIII века, когда смертная казнь применялась так часто, как ни в одном европейском государстве (более двухсот деяний каралось смертной казнью), тюремное заключение в виде абсолютного рабства было сравнительно легкой карательною мерой, являвшейся следствием даже незначительных правонарушений, во всяком случае менее значительных, чем простая кража, каравшаяся смертью.

В Англии, как, впрочем, и на континенте, не было выработано организации тюремного управления. Большинство тюрем в королевстве – так называемые местные тюрьмы – были в

исключительном заведовании местного самоуправления и содержались за счет последнего. Никакого надзора за тюрьмами, за способом содержания в них заключенных не существовало вовсе. Понятно, что каждое графство стремилось к тому, чтобы по возможности уменьшить расход на преступников. Отсюда и происходил тот возмутивший Говарда способ закабаливания заключенного смотрителем тюрьмы, получавшим от каждого заключенного плату за свой труд в качестве тюремщика. Характерным для Англии является и то, что духовенство никакого участия в устройстве тюремного быта не принимало. Нам не известно ни одного случая, чтобы представитель духовного сословия в Англии обратил свое внимание на “гнездилища порока и отчаяния” и своими попечениями стремился бы к облегчению участи несчастных заключенных. Это обстоятельство объясняется отчасти тем, что в Англии издавна существовал обостренный раздор между представителями разных исповеданий; поглощенное своими “партийными” интересами, духовенство, вероятно, не находило времени для добрых дел.

Необходимо указать еще и на то обстоятельство, что, принимаясь за тюремную реформу, Говард отнюдь не действовал под влиянием нововведений в тюремном деле, предпринятых в Северной Америке квакерами и увенчавшихся блестящим успехом вновь выстроенных Пенсильванской и Обернской тюрем. Говард действовал вполне самостоятельно. Он даже не предпринимал путешествия в Америку, чтобы ознакомиться с положением американских тюрем.

Личной деятельности одного человека – обладай он даже энергией Говарда – не могло бы хватить на непосредственное облегчение ужасного положения, в котором находились заключенные в тюрьмах. Но задача состояла в том, чтобы тюремный вопрос поставить наряду с другими важными государственными и общественными вопросами. Нужно было побудить государство обратить внимание на тюрьмы, бывшие истинными рассадниками порока и болезней; необходимо было сорвать завесу с существующего порядка вещей, и этого одного было бы достаточно, чтобы общественное мнение, а затем и государственные деятели встрепенулись. Состояние тюрем было до того ужасным, что никаких комментариев не требовалось: одни голые факты поражали своею неумолимой жестокостью. Вот почему Говард оказался наиболее подходящим человеком для дела улучшения тюрем. Стоя выше каких бы то ни было предрассудков, он не гнушался мрачным тюремным бытом и изучал его с полной добросовестностью; по выражению Беллоуса в речи на Лондонском тюремном конгрессе, “он шел впереди

современных ему научных деятелей в строгости индуктивного метода, точности наблюдений и терпеливом выжидании, пока наблюдаемая область не будет вполне исчерпана". Эти свойства являются отчасти последствием отсутствия в Говарде быстрой сообразительности, склонности к обобщению, недостатку в нем живой фантазии, способности к отвлеченным представлениям, но еще более, конечно, скрупулезной добросовестности, присущей его характеру, его бесконечному терпению, неспособности ко лжи, даже неосторожной, и тому самоотвержению, с которым он преследовал достижение намеченной им цели. Без преувеличения можно сказать, что во всех частях королевства не было ни одной тюрьмы, ни одного рабочего дома, вообще ни одного помещения, предназначенного для заключения, и ни одного заключенного в них, которые не подвергались бы наблюдению Говарда.

Деятельность Говарда только потому и обратила на себя так скоро всеобщее внимание не только в Англии, но и на континенте, что рассказанное в его книге о положении тюрем представляется вполне объективным. Каждая строка дышит абсолютною правдой, самою действительностью, подмеченною хладнокровным и правдивым наблюдением. Будь Говард энтузиастом, чувствительным и увлекающимся обозревателем тюрем, и явись его книга бичующим словом, взывающим к чувству, – она, может быть, ярче воспламенила бы сердца читателей или слушателей; но яркий пламень быстро и внезапно гаснет; увлечение прекратилось бы вместе с увлекающим словом. Для столь серьезного и трудного дела, как дело улучшения тюрем, такого увлечения было бы недостаточно. Нужно было нечто феноменальное, – таковою и оказалась деятельность Говарда и явившаяся частичным результатом ее – книга "О состоянии тюрем в Англии и Уэльсе".

"Надо удивляться тому, – говорит Беллоус, – что, излагая отчет о состоянии тюрем, Говард вовсе не выражает своего негодования, не говорит о попранных правах человека... Он не выставляет напоказ своих благородных чувств, а спокойно описывает и сообщает о своих наблюдениях, делая как бы заметки для самого себя. Он мало резонирует и лишь со свойственным ему практическим тактом, без всяких глубокомысленных соображений, указывает на причины плачевного состояния тюрем, в котором убедился многолетним добросовестным наблюдением".

Выше уже упомянуто о существовавшем в английских тюрьмах порядке, по которому смотритель тюрьмы получал вознаграждение от каждого заключенного. Этот порядок приводил ко многим злоупотреблениям. Смотритель тюрьмы

эксплуатировал заключенного, подвергая его разным лишениям с целью вымогательства денег. Тюремные сторожа вместе со смотрителем занимались продажей крепких напитков заключенным, а для увеличения своей прибыли поощряли пьянство в местах заключения. Часто мужчины и женщины вовсе не разделялись, а содержались в одном помещении, от этого во многих тюрьмах господствовал страшный разврат. Молодых, новичков в преступном промысле, держали вместе со взрослыми, прошедшими уже основательно школу порока и преступления. От каждого вновь поступившего арестанта требовался “выкуп”, без которого вновь прибывший подвергался ужасным пыткам со стороны своих сотоварищей по заключению. Полученные деньги сообща пропивались, поэтому смотрители тюрем в своих интересах поощряли обычай “выкупа”. Самою же большою жестокостью было то, что честные люди, имевшие несчастие впасть в неоплатный долг, помещались совместно с преступниками, подвергаясь всем жестокостям, на которые обречены были лица, попавшие в тюрьму за преступления. С несостоятельных должников смотрители тюрем делали еще большие поборы и под угрозой жестокого обращения с ними вымогали не только от них, но и от их родственников и знакомых.

Тюремный персонал рекрутировался из людей без всякой подготовки к поручаемому им делу, без всяких познаний, – требовалось лишь, чтобы тюремщик был нечувствителен к человеческим страданиям.

Дисциплина среди заключенных поддерживалась жестокими телесными наказаниями, лишением пищи, приковыванием к стене и т. п.

Тюремные помещения были до крайности тесны. Недостаточная пища, отсутствие хорошей воды представлялись обычными явлениями. Неудивительно, что в тюрьмах свирепствовали страшные болезни. Больниц при тюрьмах не имелось, и один больной заражал всех прочих, вследствие чего смертность среди заключенных доходила до ужасающих размеров. Тюрьмы нередко становились источником эпидемических болезней, опустошавших окрестности.

Заключенные никакими работами в тюрьмах не занимались. Без работы, в удручающей обстановке многие арестанты заболевали тяжкими формами душевного и умственного расстройства.

Как было миру не ужаснуться, когда ему поведано было Говардом обо всем, что он узнал лично!

Глава VI

Первая ревизия английских тюрем. – Билль Попгема. – Отчет перед парламентом. – Благодарность последнего. – Говард – кандидат в депутаты. – Ревизия континентальных тюрем в 1775 году. – Бастилия. – Новый осмотр английских тюрем в ноябре 1775 года. – Печатание книги Говарда. – Успех ее. – Образ жизни Говарда

Путь, открывавшийся перед Говардом, был им ясно намечен, и неуклонное следование по избранной дороге составляет задачу всей жизни его. Еще в 1773 году начал он объезд Англии с целью осмотра тюрем и совершил его в три приема с небольшими перерывами.

Уже при первом осмотре английских тюрем у Говарда накопилось много фактов, способных возмутить общественное мнение. Общество уже начало к тому времени интересоваться состоянием тюремных дел, и инспекторская деятельность Говарда сделалась известна в парламентских кругах. Скоро представился случай воспользоваться приобретенными Говардом сведениями об английских тюрьмах. Еще в 1773 году мистер Попгем, член палаты общин, внес законопроект об уничтожении платы, взимаемой с заключенных в пользу смотрителей, и о назначении последним определенного жалованья. После второго чтения этого билля оказалось необходимым его исправить и дополнить, и лишь с 31 марта 1774 года он был окончательно принят парламентом. Это была первая законодательная мера к устранению злоупотреблений в управлении тюрьмами. Общий интерес свел Говарда с Попгемом, и благодаря последнему, а также и некоторым другим знакомым Говарда в палате общин, в парламент было внесено предложение о том, чтобы Говард на заседании палаты общин сообщил о результатах своих наблюдений и высказал свое мнение о состоянии тюрем в Англии. Предложение было принято, и в одно из ближайших заседаний Говард был приглашен сделать свой отчет. Со свойственной ему объективностью и точностью Говард подробно ознакомил депутатов со всеми результатами своих личных наблюдений. Сообщение Говарда вызвало большой интерес, и палата единогласно постановила выразить ему свою благодарность за предпринятое им человеколюбивое дело и те сведения, которыми он поделился с палатой; спикеру (председателю палаты) было поручено призвать Говарда и публично объявить ему о решении палаты. Эта высокая честь, оказанная Говарду, сделала его популярным в высших кругах;

отныне общественное мнение внимательно следило за ним и с большим интересом относилось к его деятельности. Нет сомнения, что и лично на Говарда это высокое отличие повлияло благотворно: он стал верить в успех своего дела и с еще большею энергией принялся за дальнейшее осуществление своих планов.

В неутомимых разъездах и посещениях прошел весь 1774 год.

В начале 1775 года Говард вступил на политическую арену. Население Бедфорда должно было выбрать двух депутатов в палату общин. Выборная агитация, руководимая особой корпорацией в Бедфорде, шла полным ходом, когда Говард, по настоянию друзей, согласился выставить свою кандидатуру. Вместе с Говардом кандидатом выступил Вэтбрид, о котором мы упоминали выше, и еще два кандидата бедфордской корпорации. Последней удалось на выборах провести своих кандидатов, Говард же и Вэтбрид оказались с меньшинством голосов. При выборах допущены были такие неправильности, что Вэтбрид и Говард решились обжаловать их в палате общин и просить о создании комитета для проверки списков избирателей. Комитет был создан и, по исключении тех лиц, которые были неправильно внесены в списки, – большинство оказалось за Вэтбридом и одним из кандидатов корпорации, – Говард же все-таки оказался неизбранным.

Как смотрел Говард на свою кандидатуру и как он отнесся к испытанной им неудаче, показывает письмо его к Саймондсу из Лондона от 27 марта 1775 года. “Примите, – пишет он, – мою благодарность за Вашу помощь и усердную преданность делу, которое по воле Божией кончилось так неудачно для нас – диссидентов. Правительство употребило все усилия, чтобы диссидент не попал в депутаты”. Только потому Говард и согласился выступить кандидатом и в случае удачи оставить избранное поприще деятельности, что он считал свое избрание общим делом диссидентов и придавал ему большое значение в смысле достижения ими гражданской и политической полноправности.

Прежде чем приступить к обнародованию сделанных им наблюдений над английскими тюрьмами, Говард счел нужным ознакомиться с состоянием тюрем некоторых государств на континенте. И вот в апреле 1775 года он предпринимает первую континентальную поездку с ясно намеченной целью: изучение состояния тюрем. Первым объектом наблюдения Говард избрал Париж и его знаменитые тюрьмы. Но здесь исследователь натолкнулся на серьезное затруднение: тюремные власти не допускали посторонних к осмотру тюрем, особенно Бастилии – этой мрачной крепости, возбуждавшей ужас современников.

Неутомимый и не останавливающийся ни перед какими препятствиями, Говард отыскал в законодательстве Франции старый, пришедший в забвение, хотя и никем не отмененный, закон, по которому в тюрьмы должен быть допускаем всякий желающий сделать какое-либо пожертвование в пользу заключенных. Засвидетельствованная надлежащим образом копия с этого закона оказалась, однако, недостаточной, и на этот раз Говард напрасно стучался в двери мрачных парижских тюрем. Пришлось прибегнуть к помощи английского посланника, и только с разрешения высших властей настойчивый британец был допущен к осмотру парижских тюрем, кроме, однако, Бастилии, – этому аду не суждено было иметь своего Данте, который поведал бы миру об ужасах тюрьмы, куда не проникает ни один луч света и милосердия. Подробно осмотрены были Говардом Пти-Шателэ, Консьержери, Абайе, Бисетр, напоминавший больше госпиталь, чем тюрьму, и другие. Но Говарду очень хотелось получить представление и о Бастилии. По целым часам бродил он вокруг мрачных стен крепости, ожидая какого-нибудь счастливого случая, который дал бы ему возможность проникнуть внутрь ее, и решился даже на удивительно смелый шаг, не увенчавшийся, однако, успехом. Стоя раз у ворот Бастилии, Говард уловил момент, когда они отворились, чтобы пропустить кого-то, и незаметно проник во внутренний двор крепости; благополучно минуя часовых, он подвигался вперед, но наконец был замечен и удален. К счастью, эта смелая попытка не имела никаких неприятных для Говарда последствий. Лишенный возможности лично сделать наблюдения над Бастилией, он усердно разыскивал разные сведения о ней и отыскал памфлет, написанный лицом, в течение многих лет содержавшимся в Бастилии, снял с него копию и по возвращении на родину перевел и включил его в свою книгу “Состояние тюрем”. С особенной радостью принял впоследствии Говард весть о падении Бастилии.

После Парижа Говард направился во французскую и австрийскую Фландрию и затем – в Голландию. Здесь взор его мог отдохнуть на голландских тюремных учреждениях, занимавших тогда одно из первых мест среди континентальных тюрем. Говарда приятно поразило незначительное число осуждаемых на смертную казнь и казненных. В Амстердаме за последние десять лет до посещения Говарда не было ни одной казни. В течение целого столетия в среднем на год не приходилось больше одной казни. По сравнению с обилием казней в Англии, и особенно в Лондоне, оказывалось, что на одного казненного в Амстердаме, – принимая во внимание и разницу в населении обоих городов, – приходилось десять казней

в Лондоне. Здесь же Говард впервые познакомился с благодетельным влиянием на нравственное и физическое состояние заключенных тюремной работы, а также с мерами предупреждения преступлений, выразившимися в кратком афоризме: “Сделай человека прилежным, и он будет честным”. Говард мог лично наблюдать в “Прядильном доме” за благодетельным влиянием тюремной работы. И в своей книге он с особенною подробностью останавливается на голландских тюрьмах.

После Голландии Говард осмотрел германские тюрьмы. Ганновер, Кассель, Ганнау, Маннгейм и Майнц были главными пунктами, остановившими на себе внимание Говарда.

В ноябре 1775 года Говард вернулся в Англию и сейчас же приступил к проверке прежних своих наблюдений над английскими тюрьмами и сравнению последних с континентальными. Не успев отдохнуть после утомительного путешествия по континенту, он вскоре опять пускается в путь. Только к маю 1776 года эта вторая ревизия отечественных мест заключения была закончена. Но Говард не решался еще приступить к печатанию имевшегося у него материала. Он находит его недостаточным и предпринимает новое путешествие на континент с целью изучения не посещенных им еще германских тюрем и обозрения мест заключения в Швейцарии и Италии.

Только после того как сведения его были обогащены вторичной поездкой на континент и после трехлетнего личного, непосредственного наблюдения, – для чего ему пришлось проехать тринадцать тысяч четыреста восемнадцать английских миль, т. е. более двадцати тысяч верст, – Говард решается познакомить публику с собранным им материалом.

Первоначальную редакцию и подбор фактических данных для книги он поручил своему другу пастору Денсгему. Когда материал был отобран и план выработан, Говард обратился к своему школьному товарищу доктору Прайсу, который успел уже занять видное место в литературе и политике – с просьбой представить свои соображения о плане книги; и только после одобрения его Прайсом осторожный исследователь приступил к окончательной редакции рукописи, причем пользовался помощью доктора Айкина – одного из его самых близких друзей и впоследствии первого его биографа.

Появление книги Говарда “The State of the Prisons in England and Wales” (“Состояние тюрем в Англии и Уэльсе”) произвело большую сенсацию в Англии и на континенте. Движение в пользу реформы уголовного правосудия и законодательства было в

полном разгаре. Книга Говарда застала уже знаменитую книгу Чезаре Беккариа “О преступлениях и наказаниях”. Вдохновенною проповедью благородного маркиза европейское общественное мнение было уже подготовлено к тому, чтобы выслушать объективную и ужасную правду о состоянии тюрем. В самой Англии недовольство уголовным законодательством все больше и больше проникало в интеллигентные слои и выражалось в парламенте, в прессе и в обществе. Книга Говарда отвечала, таким образом, на самые жизненные запросы, и этим объясняется ее успех.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению деятельности Говарда, нелишне будет сказать несколько слов об образе его жизни – дома и в пути.

Здоровье Говарда требовало строгой диеты. Ко времени его путешествий и обзора тюрем Говард не употреблял ни мяса, ни вина. Чтобы закалить свой организм, он ежедневно купался в холодной воде. Прилежание его было поразительным. Проживая во время печатания книги в Иоррингтоне, он вставал в два часа пополуночи, работал до семи, затем завтракал. В восемь часов утра он был уже в типографии и лично наблюдал за печатанием книги. Выходя гулять, он запасался фруктами, которые любил раздавать встречающимся на пути детям. Обед его состоял из хлеба и молока.

В дороге Говард придерживался той же строгой диеты. Его сопровождал, как правило, старый слуга Джон Проль, переживший своего господина и сообщивший впоследствии биографам Говарда немало сведений о личной жизни филантропа. В поездках Говард бывал положительно неутомим, и лишь внутренняя сила этого характера побеждала физическую немощь. Едва успев приехать на место назначения, он немедленно приступал к делу – к осмотру тюрьмы в данной местности. Говард был весьма щедрым путешественником, и никто из той массы лиц, с которыми ему пришлось иметь дело в дороге, не уходил от него недовольным. Его частые поездки по английским дорогам сделали его известным всем содержателям гостиниц, почтальонам и прочим, которые всегда встречали его с неподдельной радостью.

Поселяне в Кардингтоне не переставали быть предметом попечений Говарда даже тогда, когда он весь всецело отдался своему делу. Они всегда встречали в нем поддержку советом и материальной помощью. Нечего и говорить, что все поездки совершались им за свой счет, и только благодаря его постоянной умеренности во всем оказывалось возможным покрывать издержки путешествий из доходов от его сравнительно

небольшого имущества.

Сын Говарда пребывал в школе и, будучи уже одиннадцати-двенадцатилетним мальчиком, вел себя так, что возбуждал опасения за его будущее; но Говард не жалел средств к тому, чтобы сделать все возможное для воспитания и образования своего единственного ребенка.

Недолгий отдых в Кардингтоне, который разрешил себе Говард по выходе в свет его книги, был внезапно прерван в августе 1777 года известием о тяжкой болезни, постигшей его единственную сестру, жившую в Лондоне. Она умерла и оставила все свое имущество Говарду. Смерть сестры глубоко опечалила филантропа, но ему некогда было предаваться личному горю – призвание влекло его к дальнейшей деятельности.

Глава VII

Система понтонных тюрем. – Новое путешествие по континенту. – Инцидент в Голландии и болезнь Говарда. – Эпизод в Праге. – Посещение тюрем в Вене. – Откровенное мнение Говарда о реформе Иосифа II. – Поездка по Италии. – Буря на море. – Возвращение на родину. – Новый осмотр тюрем

Одной из важных карательных мер в английской уголовной системе была ссылка в американские колонии. С объявлением независимости этих колоний Англия лишилась места для ссылки наиболее тяжких преступников. Оказалась надобность в постройке новых тюрем в метрополии. Между прочим предполагалось устроить понтонные плавучие тюрьмы на больших кораблях. Одна из таких тюрем-кораблей "Юстиция" находилась в Вульвиче. После посещения ее Говард был приглашен в палату общин дать свое заключение об удобствах и неудобствах этой системы тюремного заключения. 15 апреля 1778 года он представил свое заключение палате. Говард высказался за предпочтение этой системы ссылке, к которой он относился с большим недоверием, и предложил некоторые меры к улучшению содержания арестантов в плавучих тюрьмах. Согласно с заключением Говарда, был издан временный закон об устройстве и содержании понтонных тюрем. Предполагалось в будущем устроить большие тюрьмы, в которых отбывали бы наказания осужденные на каторжные работы. Для того чтобы собрать основательный материал, которым можно было бы воспользоваться при постройке новых тюрем, Говард счел нужным предпринять новое путешествие по континенту.

Лучше всего был поставлен тюремный труд в Голландии, и вот туда-то вновь направился Говард. 19 апреля 1778 года он отплыл из Англии. В Амстердаме с ним приключился несчастный случай, прервавший на некоторое время его работу. На него наскочила и опрокинула его вырвавшаяся лошадь, причинив ему значительные ушибы. В течение шести недель Говард не вставал с кровати, страдая от припадков нервной лихорадки. Лежа в постели, он вел дневник; так же как и записки, с которыми мы уже имели случай познакомить читателя, дневник имеет религиозное содержание. Едва неутомимый исследователь успел оправиться настолько, что мог оставить постель, он по совету врачей переехал в Гаагу. Здесь Говард действительно стал быстро поправляться и вскоре приступил к занимавшему его делу.

Из Голландии он направился в Пруссию и прибыл в Берлин в конце июня. В одном из писем из Берлина знаменитый филантроп

пишет, что постигшая его болезнь в Голландии ослабила его и побуждает торопиться с выполнением своего плана, чтобы поскорее вернуться в Англию. В этом же письме он сообщает о своей аудиенции у принца Генриха, который с большим интересом расспрашивал его о путешествии и между прочим заметил, что “он с трудом может себе представить более тяжелое путешествие, но цель его – велика и человеколюбива”. Короля не было тогда в Берлине, он находился в Силезии – театре военных действий с Австрией. По этому поводу Говард в том же письме высказывает несколько горьких мыслей о биче всего человечества – войне. В Берлине с ним познакомился тогдашний русский посол при прусском дворе князь Долгорукий.

Посетив Шпандау, где была большая тюрьма, справедливо прозванная прусской Бастилией, а также Магдебург и Дрезден, – Говард наконец прибыл в Австрию.

Чрезвычайно характерен эпизод, имевший место в Праге, где он сделал краткую остановку. Желая ознакомиться с пражским монастырем капуцинского ордена, Говард задумал посетить его. Был постный день, и Говард надеялся застать отшельников пребывающими в молитве и строгом посте. Каково же было его удивление и негодование, когда его ввели в трапезную, где святые отцы сидели за обширным столом, обильно заставленным яствами и питиями, – в числе которых было немало и мясных блюд. На приглашение принять участие в “скромной” трапезе Говард не только ответил отказом, но тут же выразил свое негодование и пригрозил, что, по прибытии в Рим, сообщит папе о поведении монахов. Эта угроза вызвала панику среди сластолюбцев, и на следующий день к Говарду явилась депутация от капуцинов с просьбой не сообщать папе об их грехе, причем они торжественно обещались запомнить урок, данный им Говардом, и на будущее время свято соблюдать посты и загладить свои прошлые грехи молитвой. Говард, однако, не дал положительного ответа и оставил себе свободу поступить так, как найдет нужным, смотря по обстоятельствам.

Оставив Прагу, Говард прибыл в Вену. Здесь он был в первый раз и с особым интересом занялся осмотром венских мест заключения. Австрийский или, точнее, германский император Иосиф II усердно занимался реформой уголовного законодательства, он отменил пытку, поэтому в Вене Говард ожидал найти значительные улучшения и в тюремном устройстве. Но он обманулся в своих ожиданиях. Особенно сильное впечатление произвела на него одна из главных тюрем, прозванная “Maison du Bourreau” (“Дом палача”). Говард посвящает несколько слов увиденному там. “Здесь, как

обыкновенно, я спросил, нет ли в тюрьме страдающих тюремной болезнью – гнилой лихорадкой, и получил отрицательный ответ. Заключенный в одной из темных келий, в которую нужно было спуститься на двадцать четыре ступени, показался мне больным тюремной лихорадкой. В тяжелых железных кандалах он был прикован к стене. Его лицо имело болезненный и несчастный вид, слезы текли по его щекам. Он даже не был в состоянии говорить со мною. Я осмотрел его грудь и ноги, нет ли на них кровавых пятен, исследовал его пульс и убедился, что он болен не лихорадкой. Сосед его по заключению сообщил мне, что это несчастное создание пыталось звать к себе на помощь, но его никто не услышал. Это – одно из крайне нежелательных неудобств заключения в темных отдаленных кельях".

В первоначальном издании своего дополнения к книге (впоследствии оно вошло в книгу) Говард по поводу этого случая сообщает: "Многие спрашивали меня, какие меры предохранения я принимал при посещении зараженных мест в тюрьмах и госпиталях. Я здесь отвечу раз навсегда, что прежде всего – милосердие и благость моего Создателя, а затем умеренность и опрятность – всегда предохраняют меня. Надеясь на божественное провидение и следуя моему долгу, я посещаю самые опасные кельи. Никогда я не вхожу в тюрьму или госпиталь до завтрака и в зараженной комнате не дышу полной грудью". Более благоприятными оказались впечатления, полученные Говардом при посещении госпиталя и дома для призрения бедных в Вене.

Во время своего пребывания в Вене Говард был приглашен к обеденному столу Марии-Терезии и, вопреки своему обычаю, принял приглашение. Во время обеда, данного в честь Говарда английским послом сэром Робертом Кейтом, где присутствовали многие дипломаты и придворные особы, один из гостей указал на заслугу императора, отменившего пытку. На это Говард возразил: "Простите, сэр, Его Величество отменил один только вид пытки, но вместо него установлен другой, более тяжкий. Прежняя пытка подвергала человека мучениям в течение нескольких часов, а вновь введенная – длится недели, месяцы, даже годы. Несчастные жертвы томятся в отравленной норе, пока не сознаются во всем, в чем их обвиняют". Посол хотел прервать откровенную речь Говарда и шепнул ему, что следует быть осторожным, так как его слова несомненно будут переданы императору; но Говард ответил на это вслух: "Я никогда не воздержусь от того, чтобы не сказать правды, о ком бы ни шла речь, будь то о короле или императоре; я повторяю то, что сказал, и настаиваю на верности сказанного".

Из Вены Говард направился через Штирию и Каринтию в Триест. После осмотра тюрем в этом городе он морем прибыл в

Венецию, где осмотрел места заключения и обратил особенное внимание на галеры, к работам на которых присуждались в основном тяжкие преступники, большею частью пожизненно. После Венеции следовала остановка во Флоренции. Посетив тюрьму “Delle Stinche”, Говард заметил, что пища, отпускаемая арестантам, чрезвычайно недостаточна, поэтому поручил купить на данные им деньги говядины и раздать заключенным. Когда через несколько дней Говард опять появился в тюрьме, арестанты, не привыкшие к такой благотворительности, устроили ему трогательную встречу – припали к его ногам – и ему стоило большого труда уверить их, что он такой же простой смертный, как и они, и что он только желает сделать им добро из человеколюбия.

В Риме Говард провел сравнительно больше времени. Здесь он подробно осматривал знаменитый дом Св. Михаила для содержания бесприютных детей. Усилия его проникнуть в тюрьму святой инквизиции не привели ни к какому результату, и ему так и не удалось познакомиться с этой Бастилией католичества.

Посетив затем Неаполь, Говард направился на север Италии, в Чивитта-Веккиа, и затем отплыл в Ливорно. Буря, не утихавшая в течение трех дней, гнала корабль, на котором находился самоотверженный путешественник, а с окончанием ее корабль ожидало другое приключение, – население Ливорно опасалось чумы и, полагая, что этот корабль идет из “неблагополучных” мест, не пускало его в гавань. Новая буря прибила корабль к африканскому берегу, но и здесь пропуск оказался закрытым. Только после остановки на небольшом острове Горгоне, благодаря любезности местного губернатора, Говарду и его слуге удалось наконец добраться до Ливорно.

Через Милан, Пьемонт, Савойю Говард прибыл в Швейцарию; здесь вновь были осмотрены тюрьмы и госпитали, и затем через Германию и Фландрию он наконец вернулся к концу 1779 года домой, сделав по континенту семь тысяч верст. Прибыв в Лондон, Говард, по приглашению Общества попечения о бедных и раненых моряках, сделал сообщение на заседании общества о состоянии военных госпиталей. После короткого отдыха он решил вновь объехать Англию, чтобы ознакомиться со способом содержания пленных и удостовериться в справедливости того, что он слышал об этом во Франции. Проведя рождественские святки в Кардингтоне вместе со своим сыном, он с января до ноября 1779 года провел в путешествиях по Англии, сделав вновь десять с половиной тысяч верст пути. Из этой поездки Говард вынес утешительное убеждение, что его неимоверные труды не оставались бесплодными, что в состоянии тюрем за последнее

время заметно значительное улучшение.

Реформа тюремного дела в Англии была на пути к осуществлению; парламент усердно занимался улучшением законодательства о тюрьмах, и недалеко уже было то время, когда английские тюрьмы сделались образцом для всей Европы.

Глава VIII

Назначение Говарда членом комитета по постройке новых тюрем. – Поездка в Данию, Швецию. Пребывание в Петербурге. – Допрос палача. – Москва. – Возвращение в Англию. – Посещение Португалии и Испании в 1783 году. – Чума. – Поездка на континент. – Запрещение въезда во Францию. – Италия. – Малая Азия. – Константинополь. – Венеция. – Возвращение в Англию. – Поездка в 1789 году в Россию. – Кременчуг. – Херсон. – Смерть Говарда

В 1780 году парламент решил приступить к постройке больших тюрем в Лондоне и других местах Англии. К руководству строительством пригласили Говарда, которому поручено было вместе с Блекстоном и прочими членами специально созданного комитета отыскать удобное для постройки место, разработать планы и т. д. Говард с понятной готовностью взялся за исполнение данного поручения, но поставил условием, что он не будет получать жалованья. Когда назначенный комитет приступил к делу, то вскоре выяснилось, что Говард расходится во мнениях со своими коллегами. Он, как замечает Беллоус, был положительно неспособен к совместной с другими деятельности. Слишком самоуверенный, настойчивый, он, должно быть, был несносным членом коллегии. Не желая тормозить дело, Говард сложил с себя данные ему полномочия и задумал новую поездку на континент. При своих многократных посещениях континента великий тюрьмовед до сих пор оставлял в стороне крайний юг, север и восток. Но он был человеком, который не мог оставлять начатое дело неоконченным, и вот, чтобы завершить свое знакомство с континентальными тюрьмами и госпиталями, Говард в мае 1781 года отправляется в новое путешествие. Бремен и Копенгаген были первыми городами, которые он посетил на этот раз. В последнем городе ему пришлось ознакомиться с весьма печальным положением мест заключения и крайней жестокостью карательной системы. Отсюда Говард направился в Швецию, где тюрьмы находились в самом печальном положении: все недостатки английских и континентальных тюрем, казалось, сосредоточены были здесь в еще более ужасной форме. С другой стороны, Говарда очень интересовали патриархальные обычаи населения и отправление правосудия, отсутствие формальностей и быстрота решения дел в судах.

Из Швеции английский исследователь впервые вступил на русскую почву. В Петербурге ждали его прибытия. Во всех странах он встречал не только радушный прием, но и глубокое уважение,

внушаемое его деятельностью. Говард хотел одного – прибыть в Петербург незамеченным; он думал застать тюрьмы в их обыденном виде, а не вычищенными и подготовленными к инспекции. С этой целью он, не въезжая в город, вышел из экипажа и пешком вошел в нашу северную столицу. Но весть о прибытии Говарда быстро распространилась, и не успел он расположиться в гостинице, как к нему прибыл посланный от императрицы Екатерины II с любезным приглашением во дворец. Говард поблагодарил за честь, но посетить дворец отказался, мотивируя свой отказ тем, что цель его прибытия – посещение тюрем, а не дворцов; на посещение же последних у него нет времени.

Россия была единственною страною, не применявшей смертной казни за гражданские преступления. Известно, что еще императрица Елизавета указом Сенату отменила смертную казнь, хотя этот указ и не был распубликован. Говард весьма недоверчиво относился к этому обстоятельству и подозревал, что наказание кнутом во многих случаях, по произволу исполнителей приговоров, превращается в смертную казнь; поэтому-то его особенно интересовало видеть наказание кнутом. Вскоре к тому представился случай, описанный затем самим Говардом. Наказанию кнутом подлежали мужчина и женщина. Исполнение приговора происходило публично, и Говард внимательно следил за работою палача. Посещая впоследствии тюрьмы, он разыскал женщину, подвергнутую наказанию кнутом, но мужчины нигде, несмотря на тщательные розыски, не оказалось. Предполагая, что он умер вследствие произведенной над ним экзекуции, Говард разузнал адрес палача, приводившего в исполнение приговор, и, к удивлению последнего, явился к нему в квартиру и подверг его тщательному допросу. На вопросы Говарда палач ответил, что он несколькими ударами кнута может причинить смерть, – стоит ему только направить удар так, чтобы конец кнута приходился в бок осужденного; что он иногда получает инструкции поступить именно таким образом и что тот преступник, казнь которого Говард видел, умер именно вследствие полученных им ударов.

Говард осмотрел все тюрьмы, больницы и благотворительные учреждения Петербурга. Особенное внимание обратил он на учрежденный при Екатерине Институт для воспитания благородных девиц – Смольный монастырь. Под просвещенным заведованием генерала Бецкого институт представлял собою образец для заведений этого рода. Говард относился с большим уважением к Бецкому – и знакомство с ним осталось навсегда одним из самых лучших воспоминаний о жизни в Петербурге. Здесь же познакомился Говард и с генералом Булгаковым,

который, получив за свою благотворительную деятельность особую медаль, препроводил ее Говарду, находя, что его скромные заслуги ничтожны сравнительно с деятельностью Говарда на пользу всего человечества. После посещения Кронштадта, где его поразил своим устройством и удобствами военный госпиталь, Говард направился в Москву. По дороге он заболел лихорадкой, но неутомимо продолжал свой путь, остановившись лишь в Вышнем Волочке и в Твери для осмотра местных тюрем, и через пять дней был в Москве. В письме из Москвы от 17 сентября 1781 года Говард описывает Москву и сообщает между прочим не без удовольствия, что один из высших сановников в Петербурге уверял его, будто бы его книга будет переведена на русский язык. Как известно, этому не суждено было сбыться: книга Говарда, имевшая, впрочем, при всем своем всемирном значении для реформы тюремного дела временный интерес, впоследствии явилась только памятником старины и, можно сказать, апостольской деятельности Говарда.

Из Москвы Говард через Польшу (в Варшаве произведен был осмотр тюрем), Пруссию и Голландию вернулся в конце 1781 года в Англию. В начале следующего, 1782 года он опять объезжает английские тюрьмы.

В 1783 году Говард посетил Испанию и Португалию. Только в Испании ему удалось отчасти познакомиться с инквизицией в Вальядолиде, но проникнуть в места заключения инквизиции ему и здесь не удалось. На обратном пути в Англию Говард заболел, заразившись, вероятно, в одной из тюрем в Лилле, в котором и должен был провести десять дней в постели. Через Фландрию и Голландию великий филантроп прибыл в июне 1783 года в Англию. Посетив опять некоторые тюрьмы, он приступил к печатанию второго дополнения к своей книге.

Этим закончилась его деятельность на поприще тюремного преобразования. Говард мог успокоиться и прожить остаток дней своих в сознании совершенных им заслуг перед человечеством. Но покой не был в натуре этого человека. Он чувствовал потребность в точности выполнить данный им некогда обет – посвятить все свои дни служению Богу.

На юге Европы, в приморских местностях, свирепствовала чума, унося тысячи жертв и наводя ужас на жителей. И вот, как в молодости, после землетрясения, разрушившего Лиссабон, так и теперь филантроп поспешил на помощь страждущему человечеству. В 1785 году он вновь отплыл из Англии с целью посетить охваченные эпидемией места. В его намерения входило посетить южную Францию и главным образом Марсель. Но тут он натолкнулся на неожиданное затруднение, характеризующее

порядки дореволюционной Франции. Говарду запрещен был въезд во Францию под угрозой заключения его в Бастилию, – в ту самую крепость, тайны которой он разоблачил в своей книге. Ходатайство английского посла не могло изменить решения французского правительства. Но Говард не был человеком, останавливающимся перед такими препятствиями. Переодевшись в костюм странствующего врача, он вступил на землю Франции и благополучно достиг Парижа. Не успел он заснуть в занятой им комнате в гостинице, как к нему явился полицейский чиновник с запросом, кто он и куда едет. Оказалось, что в Париже знали о его путешествии и зорко за ним следили. К счастью, его не арестовали сейчас же; Говард поспешил воспользоваться свободой и ночью же отбыл из Парижа в Марсель, куда он через некоторое время и прибыл. Осмотреть госпитали он, однако, не успел, – пребывание его там было небезопасным; ему едва удалось, при помощи друзей, добраться до Ниццы. Отсюда филантроп направился в Италию, останавливаясь во всех приморских городах и занимаясь изучением положения госпиталей. Через Флоренцию Говард прибыл в Рим. Здесь он имел аудиенцию у папы Пия VI, давшего ему свое благословение. С позволения и благословения папы Говард отправился на остров Мальту, где подробно ознакомился с Мальтийским орденом и его деятельностью. Отсюда бесстрашный исследователь направился в Малую Азию, родину свирепствовавшей в Европе чумы. Выдерживая во многих местах строгий и продолжительный карантин, он прибыл в Смирну в середине мая 1786 года. Ближайшим пунктом для наблюдения был Константинополь, в котором Говард провел целый месяц. Турецкое правительство с большим вниманием отнеслось к филантропу и дало ему возможность всесторонне ознакомиться как с местами заключения, так и госпиталями. В Константинополе Говард действовал и как врач. Его познания в медицине, которую он любил изучать в молодости, давали ему возможность иногда оказывать неоценимые услуги. Посетив Салоники, затем опять Смирну, Говард направился в Венецию. Здесь он пробыл довольно продолжительное время. Полученные им из дому известия были весьма печального свойства. Его сын стал проявлять признаки умственного расстройства. Он вел чрезвычайно распутную жизнь и довел свой организм до страшного состояния. Слуга Говарда Томассон, который прежде сопровождал филантропа в путешествиях и к которому последний питал привязанность за его видимое благочестие, – был усердным наставником молодого Говарда в его развратной и разгульной жизни. Последствия неудачной воспитательной системы, дурное общество Томассона,

жизнь среди чужих людей, не сумевших как следует повлиять на молодого человека, – все это вместе и привело к столь печальному концу. Помешательство молодого Говарда скоро приняло угрожающую форму, и его пришлось поместить в дом для душевнобольных; там он и кончил свою жизнь в 1799 году, на тридцать четвертом году от рождения.

В Венеции же Говард получил другое известие – почитатели великого филантропа собрали по подписке фонд для установки ему памятника при его жизни. Предполагалось поставить статую Говарда в соборе Св. Павла в Лондоне.

Такая форма признания его заслуг глубоко огорчила Говарда – в целом ряде писем своим друзьям он старался отговорить их от исполнения задуманного проекта. Пришлось оставить эту мысль и раздать собранные суммы участвовавшим в составлении этого фонда. Не взятые назад деньги затрачены были на благотворительные цели.

Известие о болезни сына не отвлекло Говарда от продолжения начатого изучения венецианских госпиталей. Он не направился прямо домой, а прежде посетил Вену, где имел аудиенцию у Иосифа II, желавшего знать мнение Говарда о вновь выстроенном в Вене военном госпитале.

Без дальнейших остановок Говард проехал через всю среднюю Европу и в феврале 1787 года прибыл в Кардингтон. Безрадостным было это возвращение домой: сын не узнал своего отца и всякая надежда на излечение была потеряна.

В ближайшие два года Говард, живя то в Лондоне среди своих друзей, то в Кардингтоне, закончил печатание своего сочинения об английских и континентальных больницах. Как только эта работа была завершена, мысль о новой поездке на континент, главным образом в Россию, стала вновь занимать его. Говард предчувствовал, что, отправившись в новое путешествие, он уж больше не вернется на родину. Но внутренний голос побуждал его к деятельности, он желал умереть как истинный воин – со знаменем в руках, – продолжая самоотверженно трудиться на благо человечества... Оставив в верных руках свое завещание, трогательно простившись со своими друзьями и почитателями, также предчувствовавшими, что они его больше не увидят, Говард 5 июля 1789 года оставил Англию. Через Голландию и Германию он направился в Петербург. На этот раз пребывание его в нашей столице было кратковременным; быстро осмотрев госпитали, он направился на юг России. Целью поездки по России было изучение способа содержания солдат и влияние его на смертность и заболеваемость в войсках. В Европе много говорили о жестоком обращении с солдатами в России, о тесноте казарм,

недостаточности пищи и т. д. После долгого путешествия Говард остановился в Кременчуге (на Днепре), где была большая военная больница. Затем он направился ближе к театру военных действий, бывших тогда в разгаре между Россией и Турцией.

Говард остановился в Херсоне. К этому времени была взята русскою армией Бендерская крепость; наступило затишье в военных действиях, и масса офицеров и солдат наводнила Херсон. Здесь Говард познакомился с генералом Мордвиновым и встретился с бывшим на русской службе адмиралом Пристманом. Вскоре в Херсоне вспыхнула страшная тифозная эпидемия. Люди умирали сотнями. Говард неутомимо помогал больным и страждущим, занимаясь бесплатным лечением бедных. По просьбе генерала Мордвинова он отправился за город, на расстоянии двадцати четырех верст, к одному помещику, у которого заболела дочь; все старания врачей улучшить ее состояние оказались тщетными; единственная надежда была на помощь Говарда, слывшего святым человеком и искусным врачом. По прибытии Говарда в состоянии больной действительно наступило улучшение, но потом начался кризис, закончившийся смертью пациентки. Из комнаты этой больной Говард и вынес заразу, для которой его организм был в течение многих лет недоступным. По возвращении в Херсон великий филантроп слег. Потемкин, узнав о его болезни, прислал к нему своего врача, но никакие усилия не смогли спасти столь драгоценную для человечества жизнь. За день до смерти Говард почувствовал себя несколько лучше и поручил Пристману купить у одного местного жителя небольшой участок земли, на котором он желал быть похороненным. Когда к вечеру Пристман опять явился к Говарду, он застал его в радостном возбуждении: из Англии было получено письмо, сообщавшее, что в состоянии здоровья его сына наступило улучшение. Сообщив об этом известии Пристману, Говард заметил: “Не правда ли, большое счастье для умирающего отца получить утешительное известие о сыне”.

Вслед за этим наступила агония, и к восьми часам утра его мощный дух отлетел от больного тела.

Перед смертью Говард выразил свою волю, чтобы его похоронили без всякой пышности и чтобы на могиле его положили простой надгробный камень. Воля его была исполнена только отчасти. На могиле его в Херсоне стоит памятник.

В одной из последних бесед с Пристманом великий филантроп – этот эпитет стал общепринятым в отношении Джона Говарда – высказал пожелание, чтобы о нем как можно скорее забыли. Благодарное человечество, однако, сохраняет благоговейную память о подвижнической жизни Говарда, – да и

как забыть того, кто оказал ему столь великие услуги?

Грандиозные новейшие тюремные сооружения, человечное обращение с преступниками, тюремный труд, поддерживающий физические и нравственные силы заключенных и дающий им возможность возврата в общество, обучение арестантов, тюремные больницы – все это нерукотворные памятники, сооруженные человечеством герою человеколюбия.

Источники

1. *John Howard.* The State of the Prisons in England and Wales. 1780.

2. *Balwin Brown.* Memoirs of the Public and Private Life of John Howard, the Philantropist. London, 1818.

3. *Hepworth Dixon.* John Howard and the Prison World of Europe. London, 1850.

4. *Rev. H. W. Bellows.* John Howard, his Life, Character and Services (Transactions of the International Penitentiary Congress held in London). London, 1872.

5. *Holtzendorff und Jagemann.* Handbuch des Gefangnisswesen. 1888, b. I.

6. *Палюмбецкий.* Джон Говард и состояние тюрем в Европе в конце XVIII столетия (в юридических записках Яневича-Яневского, т. V).

notes

Примечания

1

Закон о неприкосновенности личности *(лат.)*

2

“Путешествие пилигрима”